

ГАЛИНА
ЧЕРЕДИЙ

Эволюция
ЛЮБВИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Галина Валентиновна Череди́й

Эволюция любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40558084

SelfPub; 2020

Аннотация

Можно ли любить кого-то всегда? Испытывать безответную любовь ровно столько, сколько помнишь и осознаешь себя. Без шансов и надежды. Пытаться утопить эту боль в чужих лицах и телах, в ничего не значащих связях. Убедить себя, что забыл, но сгореть дотла от одного только взгляда спустя столько лет. И можно ли заставить судьбу прогнуться под себя, если не уступать и продолжать любить, несмотря ни на что? В оформлении обложки использованы иллюстрации с сайта [rihabau](http://rihabau.com). Содержит множество горячих сцен и нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	38
Глава 3	54
Глава 4	74
Глава 5	91
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Пролог

Вы никогда не задавались вопросом о том, когда и как из жизни уходит радость? Нет, не способность смеяться над шутками друзей и анекдотами, прикольными высказываниями и статусами, которые вы читаете в нете, смешными роликами с умильными животными или проказами чужих детей. Нет, не это.

А просто лето почему-то становится не долгожданной порой открытий, свободы и радости, как в детстве, а кошмарно раздражающим раскаленным временем года, выматывающим из вас душу духотой, бесконечными днями и короткими ночами, когда даже отдохнуть от жары не успеваешь. И ты, как благословения, ждешь осени, когда будет уже не так невыносимо добираться на работу и с работы в этом жутком мареве.

Но вот приходит осень, и что же? Разве успеваешь заметить золотую листву, хрустальный свет и «лучезарные вечера», о которых с восторгом писали когда-то классики? Не-ет! Как-то почти незаметно жаркое лето превращается в мерзкий непрекращающийся дождь, слякоть, грязные лужи и противную сырость. И главное – с каждым годом это происходит все стремительней. И, шлепая по лужам домой, начинаешь ждать зимы. Когда все будет кругом белым и чистым, когда вместо слякоти будут... ну да, вы поняли – го-

лолед на тротуарах, сосульки, норовящие снести полбашки, и мерзкий холод, от которого лопаются губы и стынет все внутри. Ну, вы в курсе, что и с весной все тоже с некоторых пор не слава Богу?

Скажете, я противная брюзга и законченная пессимистка? Что у меня затяжной ПМС и хронический депрессняк? Так я же не спору. Все так. Только, проснувшись сегодня, я зада-ла себе вопрос: когда же веселая, беззаботная, компанейская и легкая на подъем девчонка стала этой вечно задолбанной рутинной женщиной? И нет, дело не в том, что не хватает де-нег или я пашу как ломовая лошадь. Нет! Все у меня хоро-шо. И денег хватает, и в доме все нормально, и муж у меня успешный и не урод. И не ссоримся мы почти никогда. Так что тогда?

Глава 1

Будильник вырвал меня из этих совершенно бесполезных переживаний о смысле бытия. Рядом сонно завозился муж и привычно подгрел мое тело ближе, приветствуя утренней эрекцией. Наверное, меня должно даже радовать, что так начинается каждое наше совместное утро? Ого-го! Мы вместе почти пять лет, а мой муж все еще хочет меня! И наплевать, что это нормальное состояние для любого здорового мужика по утрам. Это ж, типа, должно льстить моему женскому самолюбию! Но вместо этого я чувствовала, как волна глухого раздражения поднялась внутри. Отстранилась от недвусмысленно трущегося об меня мужа. Он, недовольно заворчав, подтянул меня обратно и обхватил рукой грудь. Уткнувшись носом мне в затылок, начал целовать сзади шею и плечи. Я услышала, как изменилось его дыхание, и поняла, что он уже совсем проснулся и настроен серьезно. Саша мял мою грудь, пощипывал сосок, пытаюсь добиться отклика. Движения его бедер становились настойчивей, член твердел под боксерами, привычно, почти до боли вжимаясь между моих ягодиц.

Я пару минут прислушивалась к своему телу и поняла, что не хочу. Только не опять так же, как изо дня в день, почти каждое утро. Я знала этот сценарий уже до мелочей. Его рука опустится между моих бедер в поисках влаги и, как обычно в последнее время, не найдет ее там. Но он, не смутившись,

смочит слюной и опять опустит руку. Застонет мне: «Как же мне нравится, что ты всегда такая тесная». Попытается простимулировать меня пальцами. Надо сказать, что раньше у него это получалось очень хорошо и срабатывало без осечек. Но теперь, в спешке, по утрам, его движения слишком резкие и нетерпеливые. Словно он не ласкает меня, а ищет кнопку «вкл-выкл». Обычно я поддавалась, стараясь расслабиться, и, застонав, чтобы он решил, что все как надо, позволяла ему войти в свое тело. Ведь, как бы там ни было, перебирать не приходится. Бери, что дают. А последний год, после его повышения, мы реально виделись в адекватном состоянии только этот короткий момент по утрам. Вечером Саша приходил иногда так поздно, что я уже спала. Да и сам он к тому моменту способен только упасть и уснуть. Даже душ для него – это уже подвиг. Он реально любил свою работу и повышение это воспринял как вызов, выкладываясь на все сто, словно желая доказать всему миру, что лучше него с этой работой не справится никто. Я тоже любила свою работу, но все же так маниакально не была ей предана, хотя и уважала мужа за его целеустремленность. Поэтому только в эти короткие минуты по утрам он еще бывал таким, как раньше, пока сонный и не включил еще свой рабочий режим.

Но именно сегодня меня все бесило и не устраивало. Я не хотела, чтобы сейчас, лаская меня, он думал о том, что нужно уложиться вовремя, не дай бог не опоздать на свою обожаемую работу. Хотела, чтобы он завелся так сильно, что

забыл обо всем на свете.

– Я хочу быть сверху, – прошептала я, прогибаясь.

– Ну, нет, милая! Это будет реально долго, мы опоздаем, – хрипло ответил Сашка, уже пристраиваясь поудобней сзади.

Но для меня это вдруг стало ведром холодной воды на голову. Даже те крохи возбуждения, что были в моем теле, мгновенно улетучились без следа. Я высвободилась из рук мужа и резко встала с постели.

– Лиз, какого черта? – услышала за спиной обиженный голос мужа.

– Я хочу заняться любовью нормально. А не быстренько перепихнуться перед работой.

Ничего не могла поделать с раздраженными нотками в голосе: как ни скрывай – разочарование лезло наружу.

– Раньше тебе нравилось быстренько перепихнуться... – усмехнулся муж.

– Да, нравилось, – честно признала я. – Как один из множества вариантов. Может, припомнишь, когда мы делали это не быстренько в последние... сколько? Полгода? Год? С того момента, как ты получил эту должность?

– Черт, я не могу понять, что не так-то? – вскочил Сашка с постели, хмурый и недовольный. – Я пашу как проклятый для нашего будущего, между прочим. У меня головняков и на работе хватает, а в постели с женой я хочу просто расслабиться и снять напряжение! Это что, преступление?

– Нет, дорогой, не преступление. – Я уже на самом деле

сожалела о своей вспышке, потому что ненавижу любую конфронтацию, но сколько можно? – Когда это раз или два, ну десять! Но, черт возьми, год! Мы не говорим, почти не видимся, а вместо нормального секса этот долбаный суррогат! Я так не хочу!

– А я хочу! – раздраженно прорычал Сашка. – И, черт возьми, ты моя жена и должна...

Я не собиралась все это выслушивать и ушла на кухню, начав танец привычных телодвижений: завтрак, душ, одежда, макияж, сполоснуть быстро посуду. За завтраком муж молчал и только кидал время от времени на меня косые взгляды. И я почему-то перестала сожалеть о своей вспышке. Пожалуй, раньше я бы обняла его, поцеловала и никогда бы не дала уйти на работу не помирившись. Это было важно. Совсем еще, казалось бы, недавно. Почему тогда сейчас мне стало совсем по фигу? Мы обулись и спустились к машине. Сегодня Сашка собирался подкинуть меня до работы.

– Я послезавтра в командировку, – покосился на меня муж, вырulingая со двора.

– Надолго? – попыталась я выглядеть заинтересованной.

– На десять дней, – ответил он и напрягся в ожидании моей реакции.

С каких пор о десятидневной командировке он сообщает мне чуть ли не в день отъезда?

– Но ведь будет пятница. Какой смысл куда-то посылать тебя перед выходными? – Раздражение скрутилось внутри

горьким клубком, подступило противным комком ближе к сердцу, а потом вдруг растворилось, не оставив после себя ничего. Совсем ничего. И я просто посматривала в окно на спешащих пешеходов на переходе. Они толкали друг друга, не глядя в лица, не видя вокруг других людей, а лишь помехи на пути.

– Ну, там будет культурная программа, встречи в неформальной обстановке, – как бы извиняясь, сказал муж, и я безразлично кивнула.

Вдруг отчетливо поняла, что еще какое-то время назад я бы страшно расстроилась, топала бы ногами или даже всплакнула. Опять это «вдруг». Только вот прямо сейчас я не ощущала гнева или обиды, а изображать их мне совершенно не хотелось. Почему-то перспектива провести выходные в одиночестве не пугала и не расстраивала. Как-то все равно. Сашка понял мое молчание по-своему.

– Цветочек мой, если бы я мог, я бы обязательно взял тебя с собой! – вроде примирительно сказал он, но мне послышалось только неискреннее сюсюканье. – Но у тебя же работа, да и я занят буду все время.

Поймала себя на мысли, что больше дискомфорта вызвало именно его притворное сожаление, а не сам факт отъезда и нежелание сообщить о нем своевременно.

– Да ладно, я понимаю. Надо – так надо. Вечером начну собирать тебе чемодан.

Мы уже доехали. Я чмокнула мужа в щечку и с облегчен-

ным вздохом выпорхнула из машины. Здороваясь со всеми по дороге, пришла на рабочее место и села за стол. Обвела все вокруг рассеянным взглядом. И тут меня по-настоящему накрыло. Ощущение, будто у меня какой-то фокус сбился и я неожиданно вижу привычную реальность с абсолютно нового ракурса, усилилось в разы.

Что, на хрен, произошло с моей жизнью? Любимый муж превратился в соседа, которого я терплю и чей отъезд практически радует, вместо того чтобы расстраивать. Работа, которую я вроде любила, – монотонная задолбавшая рутина. Коллеги – милые, доброжелательные люди – просто безликие манекены, скользящие по обочине моей жизни. Так было все это время? И так будет и дальше, год за годом, всегда-всегда? Это и есть та самая хваленая стабильность и то самое добро, от которого другого не ищут? Почему тогда так похоже на тупик?

Я читала о таком в книжках. Но там герои медленно и неуклонно идут к осознанию того, что что-то не так, страдают и мучаются. Или у них случается какое-то несчастье, измена, болезнь, ну, на крайняк, камни там с неба... А у меня? Вот просто проснулась утром раньше будильника и осознала, что жизнь – дерьмо и больше всего напоминает тоскливую конечную станцию? Чертово депо, где постепенно, но неуклонно умирают все чувства. Так ведь не должно быть?

Потом рабочий день обрушился на меня привычной суетой, и мои переживания ушли на задний план, оставшись

противным комариным зудом, белым шумом на краю сознания. Документы, звонки, встречи с заказчиками, одни и те же фразы сотни раз по кругу разным людям и в разное время. Дежурные улыбки, когда мышцы лица сами знают идеальный алгоритм движения. Ровно вот так – ни больше, ни меньше.

Домой на маршрутке. Лифт, душ, кухня. Сашки нет. Он будет позже, как всегда. Привычным движением открыла ноутбук. Зашла на свою страничку в ВКонтакте. Нашла запрос на добавление в друзья от какой-то Ольги Раминой (Лимаревой). И только через несколько секунд до сознания дошло. Ольга Лимарева! Соседка по старому дому! Боже, это сколько же лет-то!

Напрягла память. Родители получили новую квартиру тринадцать лет назад. Да, точно! Именно столько мы и не виделись. Господи, как же время летит! В моей памяти вроде как вчера мы переехали из нашей уютной двухэтажки в новый район, простились со старыми соседями, пообещали не теряться и еще увидеться...

И вот я уже перед компом, и прошло тринадцать лет, а мы ни с кем не виделись ни разу. Неожиданно волной накатили теплые воспоминания. Старый двор, между четырьмя двухэтажками, наш «кубик», белье на веревках посреди этого двора, за шастанье под которым нас нещадно гоняли бабульки. «Казачки-разбойники» по вечерам, и ни одного живо-го места на сбитых коленках. Футбол с пацанами, где я все-

гда – самый надежный вратарь. Секретные вылазки на помойку, где можно найти настоящие сокровища, которые кто-то неосмотрительно счел ненужным хламом. Гаражи, между которыми у нас было тайное убежище, где мы учились смалить втихаря стыренные у старших сигареты, давились мерзким дымом и тошнотой, но делали суровые лица, изображая друг перед другом опытных курильщиков. Колька Соринов – мой верный рыцарь, босяк и раздолбай. Моя почти самая настоящая первая любовь. Он был на пару лет меня старше, вечно встрепан и расхристан, натуральный блондин, с выгоревшими летом добела волосами, а еще хулиган, грубиян и, само собой, исходя из этого, смельчак, бунтарь и герой. Ему и достался мой первый поцелуй. Тоже почти настоящий. Гневный крик моего отца:

– Лизавета! Я запрещаю тебе дружить с этим босяком!

И мое вполне резонное возражение из укрытия:

– Он не босяк больше. У него уже ботинки есть!

– У них вся семья – алкаши и зеки! – покраснел от гнева папа, для усиления эффекта щелкнув ремнем. – Чтобы ты к нему и близко не подходила! Что это вообще такое? Почему ты не можешь, как все девочки, играть в кукол?

И я, конечно же, насмешливо скривилась. Ну, скажите, что за интерес дружить с занудами-девчонками, только и ноющими постоянно о тряпках и куклах, если есть своя компания мальчишек, умудряющихся каждый день превратить в захватывающую авантюру, настоящее приключение?

Я поймала себя на том, что улыбаюсь в тишине пустой квартиры, как умалишенная, и настроение, бывшее таким похабным с самого утра, медленно поползло вверх. На несколько недолгих минут я опять стала той самой Лизкой-Ромашкой, сорвиголовой и заводилой целой пацанской компании, свободной, как ветер, и плюющей на все правила поведения и запреты взрослых. Сердце от этого ощущения забилось сильнее, делая меня отчетливо живой.

Дрожащими пальцами я добавила Ольгу в друзья и быстро настрочила сообщение с номером телефона и массой обычных вопросов: «Как дела? Где ты сейчас? Видишь ли кого-нибудь?»

Звонок раздался почти сразу. На дисплее незнакомый номер.

– Привет, Ромашина! – Ольга заорала в трубку. Боже, годы не изменили ее манер и чрезмерной иногда жизнерадостности. – Я так рада, что тебя нашла! Лизка, как ты?

– Да нормально! – Я почему-то растерялась в первый момент, хоть и рада была безмерно. – Живу помаленьку! А сама-то как?

– Ну и я не бедствую. Слушай, давай как-нибудь встретимся, а то я сейчас к друзьям на вечеринку сбегаю. Ты как? – На заднем плане послышались шум и голоса.

– Да я не против! – Я действительно хотела ее увидеть.

Мы никогда не были офигенными подругами, скорее, наоборот. Она была главной в девчачьей тусовке, где я воспри-

нималась чем-то вроде инопланетянки. Но все же столько лет спустя захотелось увидеть кого-то, с кем рядом на горшках в детском саду сидела.

– Класс! У тебя, у меня или в городе где-нибудь? – деловито уточнила Ольга.

– А ты где сейчас обретаешься?

– Да все там же, Лизка! – захохотала Ольга в трубку. – Адрес прежний. Родоки купили домик в деревне и уехали на старости лет поближе к земле. А я все там же!

– Так это же просто здорово! – У меня аж сердце подпрыгнуло от мыслей, что увижу тот самый двор, хотя кто же мне мешал все эти годы съездить? – Хоть гляну на свой старый дом!

– Ты когда сможешь?

– Послезавтра у меня муж в командировку уезжает. Давай я к тебе сразу после работы и прискачу? – Мне уже прямо зудело.

– Это во сколько?

– Ну, учитывая дорогу, около семи. Нормально? – Скажи, что не поздно!

– Да просто супер! – радостно завопила Ольга. – Дорогу хоть помнишь?

– Обижает. У меня старческий склероз не начался.

– Ну, все! Жду с нетерпением!

Дальнейший вечер прошел уже гораздо лучше. Сашка наконец пришел, и мы жинали и болтали. Точнее, болтал он, а

я рассеянно слушала про дебила-шефа и новый проект, который застрял и никак, и кивала, кивала. И в этот момент неожиданно подумалось, что мы ведь никогда не говорили о моей работе, только о его: его работа, его начальство, его проекты, его проблемы... Но потом опять вспомнила о разговоре с Ольгой, и зародившееся раздражение ушло, уступая место какому-то радостному предчувствию. На этой волне я даже забыла утреннее дурное настроение и после ужина все же предприняла попытку пристать к Сашке с непристойным предложением.

– Лиза, цветочек мой, я устал как собака! – пробурчал муж, тем не менее позволяя мне взобраться на него верхом. – Если ты чего-нибудь хочешь, тебе придется сделать все самой.

Наверное, стоило обидеться, но мы не занимались сексом почти неделю, да и до этого кое-как, и мое тело уже настойчиво требовало хоть какой-то разрядки. Я люблю секс, чего уж притворяться или лицемерить. Наши с Сашкой отношения именно и строились вначале на том, что он мог давать мне его много и качественно. Начало их трудно назвать жутко романтичным. Просто, наверное, так бывает, когда в твоей жизни кто-то появляется в нужный момент. Может, когда именно к такому ты и готова или просто не обладаешь достаточной стойкостью, чтобы пребывать в одиночестве.

Мы вместе с однокурсниками возвращались из двухдневной поездки за город, когда у Сереги сдохла машина. Что-

то там затарахтело и задымилло, и мы встали на какой-то богом забытой лесной дороге. В машине нас набилось как селенок – шесть человек. Парни, поколдовав часок перед открытым капотом, вынуждены были признать, что ни у кого из них таланта автомеханика не имелось. И тогда, под нашими изнывающими от желания поскорей вернуться к цивилизации взглядами, Серега набрал номер старшего брата. Чудо-брат приехал часа через полтора, на дорогой иномарке, в идеально сидящем костюме и с отчетливым раздражением на лице, очевидно, от грязной ухабистой дороги и нашего общего неряшливо-походного вида. Он сразу поинтересовался у брата, почему тот не вызвал эвакуатор, но потом, обежав взглядом всех, остановился на мне. Видок мой после ночевки в палатке и поездки в битком набитой машине оставлял желать лучшего. Но Сашка приклеился ко мне взглядом и, даже помогая цеплять Серегину развалюху к своей, то и дело поднимал глаза на мою особу. А когда мы все стали впахиваться обратно в машину, то ненавязчиво придержал за локоть и предложил поехать дальше в его машине. Причем остальные две девушки в нашей компании, замершие в ожидании, так и не удостоились подобного приглашения. Поэтому я садилась в роскошную машину Саши под завистливые взгляды девчонок и хмурый Серегин. Я понимала, что он пригласил меня в эту вылазку на природу с определенными целями. Я рассталась со своим парнем, и Серега явно надеялся на сближение, однако я в нем никого, кроме друга, не виде-

ла. В тот день Саша, дотащив Серегу до места, предложил отвезти меня домой. Мы перегрузили мои вещи в его багажник, и вскоре я уже была дома.

– Лиза, у вас есть кто-нибудь? – спросил тогда Саша напрямую.

– Кто-нибудь – это кто? – прикинулась я табуреткой.

– Молодой человек, парень, любовник, муж? – с терпеливой улыбкой перечислил Саша.

– На данный момент нет, – усмехнулась я и открыла дверь.

– Это хорошо. В таком случае, я думаю, мне стоит поторопиться, так как вряд ли это продлится долго. До встречи, Лиза, – сказал Саша и уехал.

На следующий день, в понедельник, он вошел в аудиторию с роскошным букетом, в таком же безупречном виде, и пригласил меня пообедать. Обед плавно перетек в прогулку и ужин, а потом и в совместный завтрак. Саша был на пять лет старше меня и, пожалуй, подкупил своей уверенностью в себе и своих действиях. Он производил впечатление мужчины, точно знающего, чего хочет. И после моих отношений с вечно колеблющимся, хотя и непередаваемо привлекательным Вадиком, показался глотком свежего воздуха. Вначале это было лишь хорошим средством для моего разбитого и разочарованного на тот момент сердца, поиском реального тепла, но вскоре стало большим. Мои родители просто заходились в восторге от Сашки и прямо-таки насели на меня,

вбивая в мою непутевую головушку, что он и есть тот самый идеальный мужчина. И когда через месяц Сашка сделал мне предложение, я согласилась.

Сергея тогда закатил жуткий скандал, заявив, что Сашка – это последний человек, с кем я могла бы быть счастлива. Он страшно напился и со слезами на глазах уговаривал меня отказаться, потому что его брат превратит меня в робота, как он выразился, а когда я отказалась, перестал общаться с братом. До сих пор он продолжал перезваниваться и переписываться в сети только со мной, а брата игнорировал. На нашу свадьбу он тоже не пришел. Медового месяца у нас не было: Саша сумел выкроить из своего графика неделю, и мы слетали на Бали. Пожалуй, это было единственное время, когда мой муж принадлежал только мне, и я не делила его с работой. А дальше? Ну, дальше как у всех. Сначала он рвался с работы домой, набрасывался на меня прямо с порога. Потом стал приходить позже и, извиняясь, целовать меня и шептать: «Прости, девочка моя, я так устал, но обещаю все наверстать». Потом исчезли извинения и были только раздраженные фразы типа: «Ну, ты же не ребенок и должна понимать!» или «Я же для нас, между прочим, папу!», ну и другие в том же духе. И не надо думать, что я капризная истеричка и готова сучить ногами и вопить, чтобы привлечь к себе внимание. Просто ощущение потери чего-то важного между нами, того, что должно было нас соединять, сращивать все ближе день за днем, причиняло боль.

Близость, что должна была расти с годами, делая нас роднее, почему-то оказалась для моего мужа не важна, а я по непонятной причине и не настаивала. Мы давали утечь этому едва зародившемуся сквозь пальцы. Вместо того чтобы терпеливо возвращать, вечно ссылались на занятость и надеялись отыскать и реанимировать как-то потом. Но вот сегодня вдруг мне показалось, что потом не будет. Просто потому, что нельзя оживить то, что умерло так давно, еще в зародыше, и даже успело стать прахом. Если это случилось так легко, может, его никогда и не было?

Но прямо сейчас я не желала об этом думать и что-то анализировать, а хотела дать своему телу то, в чем оно нуждалось.

Я медленно раздела Сашку, следуя поцелуями за своими руками. Несмотря на отговорки, к тому моменту, когда я стянула с него штаны вместе с трусами, он был уже возбужден. Я прошлась языком и губами по его длине, облизав выступающие вены и обхватив головку. Сашка дернулся и застонал.

– Черт, ты меня в гроб загонишь, Лиза! – сглатывая слова, пробормотал он.

Но я была эгоистична. Если вся работа мне, то и удовольствие должно быть моим в первую очередь. Сбросила с себя остатки одежды и опустилась на него, привычно принимая всего и сразу.

Я двигалась в своем собственном ритме, руки мужа привычно скользили по коже, лаская и прижимая именно так,

как мне нравится. Опять это гробаное слово «привычно»! И даже не слово, само ощущение от всего, что мы делаем. Одни и те же слова, одни и те же позы, одни и те же движения. Да, он знал, как сделать мне хорошо. Точнехонько, тютелька-в-тютельку! Но неожиданно этого стало мало. Я желала страсти, ярости, потери контроля...

Из-за этих долбанных мыслей я вдруг потеряла настрой, и оргазм неумолимо ускользнул от меня. Я начала двигаться резче и яростней, стараясь догнать и вернуть его.

– О-о-ох, Лизка, ты меня убиваешь! – зашипел Сашка. Резко выгнулся всем телом и... кончил.

Нет! Черт тебя возьми, нет!

– Прости, я не смог... – виновато прошептал он. – Ты сегодня какая-то неистовая. У меня от одного твоего вида крышу сорвало.

Сашка опрокинул меня на спину и, накрыв губы нежным поцелуем, попытался исправить положение пальцами. Он всегда был в этом мастер, но в этот раз мое тело почему-то резко запротестовало, я вскочила с постели и направилась в ванную.

– Лиз, ну не злись! Вернись, давай попробуем еще!

Не хотела я возвращаться! Иначе сорвалась бы и наорала на него, а потом пожалела. Немного остыв в ванной, все же решила вернуться, но застала Сашку уже спящим. Легла рядом и, мстительно глянув на мужа, довела себя до оргазма сама, представив жутко разнузданный трах с мужиком-моде-

лью из рекламы парфюма, роскошный торс которого вызвал у меня водопад слюны несколько дней назад. И не говорите мне, что никогда так не делали!

А потом опять пришло необъяснимое чувство вины и горечи. С ним я и заснула.

Будильник, утренняя эрекция у моей задницы, душ, завтрак, спешные сборы, дорога на работу. Файлы, документы, телефонные переговоры, неискренние улыбки за кофе, разговоры ни о чем. Маршрутка, магазин перед домом, пакеты с продуктами, лифт, кухня, ужин. Опять разговоры ни о чем. Правда охрененно здорово? А чего ты хотела, Лиза? Праздник каждый день?

Сашка пытался компенсировать свой вчерашний ранний финиш, и, в принципе, все шло неплохо. Я смотрела на ритмичнодвигающееся надо мной тело и чувствовала привычное вторжение. Оргазм пришел быстро, но как-то бесцветно. Сашка захрипел и, дернувшись, повалился на меня. А я смотрела в потолок и не могла побороть это раздражение, что все нарастало внутри. Может, мне начать уже какие-нибудь таблетки жрать, на йогу записаться или в религию там удариться, чтобы ходить и благостно всем улыбаться, изображая безмерное счастье? Ну не со мной же это первой, как-то же другие женщины живут с этим.

Следующий день отличался лишь тем, что при выходе из дома муж прихватил собранный чемодан и, подкинув меня до работы, уехал в аэропорт. Он чмокнул меня в щеку, но

я по его глазам видела, что он был не со мной. Да и я-то сама уже мысленно посадила его в самолет и помахала ручкой. День был жутко суматошный. Складывалось такое впечатление, что пятница – это какой-то конец света, и понедельник, чтобы все доделать, уже никогда не наступит, поэтому все пытаются втиснуть в один короткий день столько всего.

Выползая с работы, чувствовала жуткую усталость. Даже подумала набрать Ольгу и перенести нашу встречу, но она как будто почувствовала и позвонила сама.

– Лизок, у нас все в силе? Только не вздумай откорячиться! – грозно понизила она голос. – Я тебя тут уже жду!

Я вздохнула и попыталась сориентироваться, как сейчас лучше добраться в район города, где не была столько лет. Наконец сообразила, купила пару бутылок вина и всего по мелочи и села в автобус. Уже на подъезде к нужной остановке сердце начало подпрыгивать и сбиваться. Как так вышло, что за все эти годы мне как-то не пришлось даже побывать в этом районе города?

Все вокруг изменилось до неузнаваемости. На месте стадиона – торговый центр. Сквер из заросшего места наших детских приключений превратился в зализанный и кастрированный, типа, уголок зелени с идеально ровными дорожками и вычурными фонарями. Моего детского сада тоже не было – теперь там красовалось отделение банка. И только войдя в наш старый двор между четырьмя двухэтажками, я словно окунулась с головой в прошлое. Все та же раздолбан-

ная беседка, только выкрашена в другой цвет. Проволоки с бельем, подпертые палками. Длинный деревянный стол с лавочками – «штаб-квартира» всех наших окрестных бабулек. Палисадник три на четыре прямо под окнами моей бывшей комнаты по-прежнему был огорожен крашеными спинками от железных кроватей. Песочница с детьми и бдящими мамашами. И даже старая урна у столба все та же, эксклюзивная. Блин, ее еще мой дед делал. Офигеть! Я словно назад во времени вернулась, и от этого хотелось раскинуть руки и закрутиться, крича от глупой радости прямо в небо! На лавочке, как всегда, стройный ряд «стражей Вселенной». Бабульки щурились на меня, пытаюсь своим рентгеновским суперзрением просветить, чисты ли помыслы у незнакомки, вторгшейся на их территорию. Ты не пройдешь! Ага, говорю же, все как раньше!

– Лизка? Ромашина? Ты, что ль? – дрожащий голосок, смутно знакомый.

Всмотрелась повнимательней. Ох, блин, время жестоко!

– Да, тетя Катя, это я, – неуверенно, почти как в детстве, ответила я.

Да уж, от той бой-бабы, что с пеной у рта вечно отстаивала свое мнение на этих самых лавочках много лет назад, осталась, наверное, треть. Полная жизни пожилая женщина превратилась в сухонькую старушку со слезящимися глазами и дрожащими тонкими руками в пигментных пятнах.

– Ты каким ветром в наши края? – широко улыбнулась

женщина, ослепляя меня вспышкой желтого металла во рту, и пояснила другим, не менее юным соседкам: – Это Лизка Ромашина, дочка Миши Ромашина, ну, помнишь, роскошный такой был мужчина. А она все шкодила, с мальчишками только и искали, где бы че сотворить. Ох, Лизка, Лизка, не было на тебя тогда управы. А сейчас, погляди ж ты, какая дама стала. Только че така тощая-то? Все по моде? Одни сиськи торчат, прости господи.

Я и правда смутилась, ощутив себя натуральной шваброй под прицелом толстых стекол их очков.

– Лизка, – завопила с балкона Ольга, – ты чего там с этими кошелками старыми застряла? Они ж тебе сейчас весь мозг вынесут и кости переберут! Давай, поднимайся.

Вошла в подъезд, слыша вслед ворчливое бормотание: «Вот посмотрите на эту Ольку! Кака нахалка! Выро-о-о-осла!» Все те же щелястые полы, выкрашенные рыже-коричневой краской, и запах кошачьей мочи. Интересно, а когда я сама стану такой же, как тетя Катя, тут все будет по-прежнему? Просто петля времени бесконечная какая-то. Поднялась по скрипучей лестнице. Вот, правда, увидела одно отличие: двери у всех стали цивильные, железные, прям как в сейфах. А я помнила этот подъезд еще с простыми, деревянными, и те, впрочем, почти никогда не закрывались.

– Ли-и-и-зка-а-а! Ну наконец-то! – взревела Ольга, оглушая меня, и обняла, втаскивая в прихожую.

Какое-то время мы стояли, изучая друг друга, так сказать,

«вживую». Замялись обе, подбирая слова после первого искреннего всплеска эмоций. Фото на страницах – это одно, а тут совсем ведь другое. Ольга всегда была полненькой. И сейчас передо мной стояла смуглая пышечка, с живыми карими глазами и кучерявыми темными волосами, облаком обрамлявшими ее красивое личико с идеально ровной оливковой потрясающе бархатистой кожей. М-дя-а-а, я бы за такую кожу убила, наверное!

– Ох, Лизка! Вот не зря ведь все мальчишки за тобой хороводом вечно ходили! – не выдержав первой, с восхищением проговорила она, и я реально смутилась. – Ты и раньше, в детстве, красивая была, а теперь вообще! Пошли!

Ольга потянула меня в комнату, где уже стоял накрытый стол, как на целую гулянку.

– Я вино принесла, – пробормотала я, оглядывая все вокруг.

Если снаружи дом и двор все тот же, то тут, в Олиной квартире, несомненно, чувствовалось, что мы не в прошлом. Хороший евроремонт, перепланировка, дорогая мебель и аппаратура. Явно чисто женская квартира. Все кругом выглядело очень ухожено и уютно, было наполнено акцентами, подчеркивающими, однако, что хозяйка – одиночка.

Мы, все же обнявшись покрепче по поводу встречи, уселись за стол. Сначала разговор не шел дальше обычных вопросов. Где училась, когда вышла замуж и т.д. Но постепенно вино и старые воспоминания развязали нам языки, и мы

начали перебирать всех бывших соседей и знакомых. Кто-то умер, кто-то переехал, кто-то спился, кто-то поднялся или подался в секту... Дошел разговор и до моей «любви».

– Кольку Соринова ты же помнишь? – взмахнула необычайно подвижными руками Ольга, и я кивнула. – Ну, еще бы, вы ж не разлей вода были! Ты, он и братец его младший, пришей-пристебайло к вам. Так сидит он.

Секунда ушла на переваривание слова «сидит».

– Кто, брат? – Я смутно начала припоминать белобрысого мальчишку, что таскался за нами повсюду.

– Да нет же, глупая, – всплеснула руками Ольга. – Колька сидит. Он же в лихие девяностые в бандюки подался. Вот и добандюковался. Посадили. За убийство.

Кусок застрял в горле, и я закашлялась.

– Да ну, на хрен! – сдавлено просипела в недоумении. – Кольку и за убийство? Да он же и мухи не обидит! Это же все понты его дешевые!

– Ох, дура ты, Лизка, – поджала губы прежняя соседка. – Время, знаешь, как всех меняет? Ты его пацаном зеленым помнишь, а я его волком прожженным уже знаю. Другим он человеком совсем стал. Жестоким и безжалостным. А вот брат у него – совсем другое дело.

Закатив глаза, она самым глупым образом чисто по-бабьи вздохнула.

– Ромка? – нахмурившись, припомнила я.

– Не Ромка тебе! – почти грозно ткнула в меня пальцем

Ольга. – А Роман Григорьевич Соринов! Крупный бизнесмен, мачо и красавец такой, что у меня аж пальцы на ногах заворачиваются, как его вижу.

Я с трудом воскресила в памяти синеглазое нечто, вечно чумазое и встрепанное, едва догоняющее меня по росту и всегда крутившееся где-то рядом с Колькой и мной, и попыталась его как-то сопоставить с этим закатыванием глаз и томными вздохами. Что-то не особо получалось.

– Ромка – мачо? – насмешливо хмыкнула я. – Этот мелкий...

– Да ты сама теперь рядом с ним мелкая! А вообще-то, он нас на год старше. Просто в детстве медленно рос, да и ты сама долговязая всегда была. Увидев его сейчас, ты не улыбалась бы! Знаешь, какой мужик вырос? Умереть – не встать. Плечи – во! – Ольга раскинула руки, чем сразу стала мне напоминать рыбаков из анекдотов, демонстрирующих вымышленный улов. – Бедра узкие, грудь... м-м-м – да слов нет, одни слюни. Я его как-то утром на балконе без майки увидела и, блин, навечно культурно-эротический шок получила. Вот как такие вообще на белый свет рождаются и, главное, почему в таких ограниченных количествах? Эх, жаль, я не в его вкусе, я бы с ним зажгла так, что потом тушить три пожарки вызвали бы... – мечтательно закатила глаза Ольга, завершая проникновенную речь.

Я расхохоталась, не в силах представить на месте голенастого и тощего мальчишки из моей памяти рокового красав-

чика, на что Ольга только сверкнула глазами, намекая мне на глупость.

– Так он что, тоже тут живет? – спросила, утерев заслезились глаза.

– Тут, тут, будь он не ладен, герой моих снов эротических, – закивала собеседница обреченно. – Он, как поднялся, выкупил все четыре квартиры в подъезде и полностью там все переделал, объединил. Теперь у него там апартаменты с выходом на крышу. Наши бабки тут поначалу кипиш страшный подняли, типа, дом старый, рухнет, и все такое. Но он вызвал серьезного архитектора и все по уму сделал. Да еще и капитальный ремонт второго подъезда и кровли оплатил, и детскую площадку... Ну, они и заткнулись.

– Странно, разве не проще за эти же деньги купить новую квартиру или даже дом? – удивилась я.

– А он говорит, что переезжать не хочет. Ностальгия у него по детству, блин, – пояснила она и тут же фыркнула своим мыслям. – Наверное, вспоминает все, как ходил за вами по пятам и смотрел на тебя с утра до вечера влюбленными глазами.

– Да брось, какие влюбленные глаза в том-то возрасте? – отмахнулась я небрежно. – Смеешься, что ли?

– Да ладно, все это знали! Его же пацаны совсем застремали, все видели, что он с тебя глаз не сводит. А он все равно – зубы сожмет и следом за тобой и Колькой идет, – глаза Ольги блеснули чем-то очень похожим на краткий упрек.

Я отмахнулась, хотя воспоминания о прошлом и наполняли душу приятным теплом и волнением, которого я уже давно не чувствовала.

– Ты говоришь, что он поднялся? – просто чтобы поддержать явно интересную ей тему переспросила я.

– Да, и лихо так! – закивала Ольга, наливая нам в очередной раз.

– А как сумел? У них же семья нищая совсем, мать вечно все до последней копейки пропивала, пацаны в обносках, постоянно голодные ходили!

Уж я отчетливо помнила, как таскала ребятам котлеты и хлеб, за что периодически и получала. Что, впрочем, несколько меня не исправляло, лишь делало хитрее и изворотливее в следующий раз.

– А вот это, Лизка, тайна, покрытая мраком. Болтали, что дядька какой-то богатый у них помер, и им деньги достались, а Рома сумел их удачно вложить и поднять свой бизнес. Но я думаю, что без криминала тут не обошлось. Хотя рядом с Ромочкой никогда никаких темных личностей не видели, в отличие от Кольки.

Мы еще долго сидели, вспоминая, смеясь и даже немного взгрустнув о тех, кто умер. Вино приятно расслабило тело, но за окном уже давно было темно.

– Ладно, надо мне домой выдвигаться, – сказала я. – Теперь уж ты ко мне с ответным визитом, так сказать.

– Ну, за мной не заржавеет, – заверила меня Ольга, попа-

дая в пушистые тапки, чтобы проводить меня.

Мы решили вызвать такси уже на улице, так как мне хотелось еще немного посидеть во дворе. На лавочке под фонарем расположилась толпа малолеток, попытавшихся отстоять оккупированное пространство, но Ольга быстро обратила их в бегство зычным голосом и явным превосходством и креативностью непечатных выражений. Хоть они и пытались огрызаться, ее словарный запас русского народного однозначно победил. Мы сели на лавочку, и я, поддерживая беседу, стала ковыряться в телефоне в поисках номера такси.

– Ох ты, черт, Лизка. Смотри – он домой вернулся! – прошипела Ольга, больно вцепившись мне в локоть. – С тренировки, видимо. Ой, я не могу, держите меня семеро, иначе я его сожру живьем.

Я рассеянно подняла глаза, желая понять, о ком она говорит, и натолкнулась взглядом на высокую мужскую фигуру у глянцево блестящего бока подъехавшей машины. Рослый, широкоплечий мужчина как раз закрывал дверь автомобиля, держа в руке спортивную сумку. На нем была футболка с коротким рукавом и низко сидящие на узких бедрах спортивные штаны. Ну что же, вполне себе обычный прикид для всяких нынешних мачо.

– Ромочка, добрый вечер! – пропела елеиным голоском Ольга, глядя на него поистине плотоядным взглядом, когда я уже собиралась опять уткнуться в телефон.

Мужчина обернулся, и я натолкнулась на взгляд самых си-

них глаз, какие только, наверное, видела в жизни. Да, именно цвет глаз был тем, что я лучше всего о нем помнила. И это притом, что нас освещал только хреновенький уличный фонарь. Это было как шок или удар с ноги под дых, прям как показывают в дурацких фильмах про любовь. Все вокруг замерло, выстроилось в тоннель и сфокусировалось в этот момент для меня на этих глазах. Прямо-таки мистика какая-то! Но мужчина быстро прервал этот поразительный контакт, и я поймала себя на том, что жадно вдыхаю, будто чертов паровоз.

– Добрый вечер, Оля, – ответил он низким, хрипловатым и чувственным голосом. – Гуляешь?

Я сказала чувственным? Ну да, что поделать, именно таким он и был.

– Да вот, подружку старую домой провожаю. Сто лет не виделись. – Ольга толкнула меня в спину, отчего я чуть с лавки не свалилась.

Синие глаза опять вернулись ко мне. Он смотрел несколько секунд, затем нахмурился и тряхнул головой, будто отгоняя видение, а глаза мужчины расширились.

– Лиза? Это ты? – его голос дрогнул и осип, а сам Роман сделал несколько быстрых шагов по направлению к нам, словно готов был подбежать, и выронил сумку.

Но потом, видимо, взял себя в руки и замер на месте, напряженно вглядываясь в мое лицо. Я молчала, силясь разорвать эту визуальную паутину, но не находила достаточно

сил.

– Ну конечно это она, Ромочка! Узнал? – проворковала Оля.

– Узнал, – еще более хрипло сказал Рома.

– А вот я тебя ни за что бы не узнала, – отмерла я наконец и постаралась непринужденно улыбнуться.

– Ну, еще бы! – губы мужчины растянула кривая усмешка человека, точно знающего, как он выглядит и какое впечатление производит на женщин. – Ведь я несколько изменился. Не находишь?

А вот это нахально-похотливое самоуверенное выражение его лица совершенно мне не понравилось.

– Нахожу, что очень изменился, – сухо усмехнулась я в ответ.

Его присутствие, вся поза и эта б**дская ухмылка странно напрягли меня, лишая уверенности и спокойствия. Рома прошелся по мне изучающим, откровенно мужским взглядом, и его губы опять дернулись в усмешке, теперь уже неприкрыто сексуально-дразнящей, но с отчетливым оттенком еще чего-то, глубинного и скрытого.

– А я вижу, что ты все такая же красавица, как и раньше, – как-то немного грустно сказал он и задержал взгляд на руке с телефоном и обручальным кольцом. – И, как всегда, не свободна.

– Ромочка, я ведь не зверек в зоопарке. Я всегда свободна, – усмехнулась я, окидывая в ответ его роскошное тело

пристальным взглядом.

Когда я вернулась к лицу Ромы, его глаза потемнели, и ноздри нервно дергались от резкого дыхания. Охренеть! Ольга была права. Маленький, неуклюжий мальчишка превратился в такого... самца. Другого слова у меня не находилось при взгляде на этот образец совершенной мужественности. Все в нем было... ну вообще идеально. Именно так, как надо. То есть так, как рисуется в наших бабских фантазиях. В моих уж точно! И в сочетании с тем животным магнетизмом и внутренней силой, что точно гравитационные волны расходились от него, и его все понимающим взглядом и сексуальной ухмылочкой это казалось... это реально казалось опасным, в общем. Мой внутренний зуммер отчетливо пропел: «Надо валить отсюда, пока чего не вышло!» И должна сказать, я с ним была вполне согласна, а другой, тихий голос чувственно нашептывал: «Ну пусть хоть что-то выйдет!» Этот мужчина не был моим неуклюжим дружком из детства, он стал существом, заставляющим меня желать чего-то... спонтанного и необузданного, что ли.

– Ладно, приятно было увидеться и вспомнить детство, но мне пора домой, – и я наконец нажала на вызов, собираясь вызвать такси.

– Что, муж ждет, волнуется? – искривил свой чувственно-порочный рот Рома.

Да, черт его возьми, как я ни пыталась, но не заметить, какой у него рот, я не смогла. Потому что я не слепая пока!

– Да нет, у нее муж смотался в командировку на десять дней, – некстати ляпнула Ольга, и я губу прикусила, чтобы откровенно не закатить глаза.

– Лиз, зачем тебе такси? Давай я тебя отвезу, а то мало ли что! – неожиданно предложил Рома и шагнул еще ближе.

Ох, а вот этого не надо! Это уже перебор для женской психики, будь она хоть трижды три раза морально устойчивая и замужняя. Мой бедный нос уловил запах мужского тела, и легкие расширились, невольно захватывая больше воздуха, наполненного его ароматом. Смесь парфюма, геля для душа и самого мужчины. Реального, горячего, сильного, живого и стоящего слишком близко, нагло вторгающегося в мое личное пространство так, словно у него есть на это право.

– Нет, спасибо, это будет неудобно, – чуть попяtilась я, трясая головой, наверное, как мокрая собака, в попытке избавиться от магнетического амбре, и стала диктовать адрес диспетчеру.

– Ты знаешь, есть много вещей действительно неудобных, но подвезти до дому девчонку, в которую был влюблен все детство, мне не кажется неудобным, – голос Ромы звучал неожиданно жестко, а глаза смотрели откровенно провокационно.

– Ну, я давно не та девчонка, – неловко улыбнулась я, избегая смотреть ему в глаза.

Но выходило только хуже, так как я тупо утыкалась взглядом или в его губы, или в мускулистую шею. В то самое ме-

сто, где сходились его мощные ключицы. И отчего-то очень захотелось узнать, какая на вкус его кожа в этом месте. Лиза, офигеть! Окстись! Да, что с тобой такое?!

– Да, не та, – синий огонь глаз обжигал, причем Рома даже не пытался скрыть откровенное желание, вспыхнувшее в его глазах. – Но и я ведь уже не тот мальчишка, что безропотно ходил за тобой по пятам и довольствовался взглядами.

– Ну что же, мы выросли! Аллилуйя! – Я из чистого природного упрямства не отвела глаз, давая ему понять, что все понимаю, но у него нет ни шанса.

Этот безмолвный разговор длился пару минут, а затем Рома усмехнулся, будто говоря: «Посмотрим», скользнул взглядом ниже, вдоль шеи, и остановился. Мы стояли и вроде непринужденно болтали, а он демонстративно пялился на мою грудь, иногда слегка касаясь кончиком языка нижней губы, и продолжая говорить своим бархатным голосом. Я понимала, что это откровенная попытка меня смутить, но все равно при каждом этом мимолетном движении будто чувствовала его язык на своих сосках, которые вдруг напряглись и стали слегка болезненными. Че-е-ерт, как этот говнюк это делает?! А главное, почему я поддаюсь? Я сложила руки на груди, чтобы спрятать реакцию моего самовольного организма на эти его игры разума.

Наконец подъехало мое такси, и я спаслась бегством из-под прицела синих, наглых глаз. Ольга пообещала, что вскоре позвонит мне, чтобы договориться о следующей встрече.

че. Я обняла ее на прощание, постаравшись проигнорировать хищно отслеживающий каждое мое движение голодный взгляд.

Глава 2

Суббота и среда – законные дни спортзала. Ну, нужно же поддерживать сколько-нибудь приличную форму. Мой зал был в двух кварталах от дома, и я всегда туда ходила пешком. Если честно, всем этим новомодным тренажерам я бы с удовольствием предпочла обычную пробежку, будь рядом с домом хоть небольшой парк или, на худой конец, сквер. Но его не было, и поэтому дважды в неделю я топала в спортзал и занималась на тренажерах.

Начала я, как обычно, с беговой дорожки. У меня нет привычки пялиться по сторонам, когда занимаюсь, поэтому, воткнув наушники, подстроила наклон дорожки и двинула. Выбила меня из привычного ритма какая-то суэта рядом тренажером, за которую то и дело цеплялась краем глаза. Странные девицы с нелепо счастливыми выражениями лиц мельтешили передо мной и кокетливо взмахивали ресничками. Скосив глаза в ту сторону, куда они смотрели, я тут же сбилась и чуть не упала, расквасив себе нос. На соседней дорожке с невозмутимым видом бежал не кто иной, как Рома. Его мускулистая грудь равномерно вздымалась под футболкой, и ноги двигались в четком ритме. Рома лучезарно улыбнулся и кивнул мне, будто встречались мы в зале постоянно и ничего такого тут нет. Я отвернулась, наверное, слишком резко и выругала себя за потерю контроля. Какого черта происхо-

дит? Мое дыхание сбилось от раздражения и растерянности. Кое-как закончив с дорожкой, перешла к тренажерам. Рома тенью следовал за мной и все время оказывался рядом. Стоило мне повернуться – он смотрел в другую сторону, словно вовсе меня не замечая, но как только я отворачивалась, то сразу чувствовала на себе взгляд синих глаз так же четко, как если бы он проводил по моей коже пальцами. От его настойчивого внимания опять в моем теле стали происходить некие процессы, которые не должны происходить с замужней женщиной от взора постороннего мужчины. Да какого черта! Со всеми это хоть когда-то происходит, но говорить о подобном не принято, скорее уж скрывать даже от самих себя. Стыдно же, блин! И это жутко злило. На фиг он сюда приперся, таскается за мной по залу и делает вид, что не смотрит в моем направлении, когда я прямо чувствую, как на спине и заднице в одежде дыры уже прогорели. И как он узнал вообще, где я занимаюсь? Хотя, может, я дура и все себе накручиваю? Вчера он со мной мило поболтал, просто отдавая дань детской памяти, и дальше общаться не обязан, да и не похоже, что собирался. Сюда мог попасть случайно, это хороший известный зал, – уговаривала я себя, – и ты тут вовсе ни при чем. Ага, только этот зал черт знает где от его дома, – гадко умничало подсознание.

А еще жутко бесили все эти девицы и тетеньки не первой свежести, что теперь фланировали туда-сюда мимо потного Ромы и с похотью смотрели на него. Боже, ну нельзя же так

откровенно поощрять мужика! Разве не видно, что у него и так самомнение размером с небоскреб?

Ну, понятно – у него есть на что посмотреть, но все-таки! И я вовсе не пялилась на него – для меня он не больше чем красивая картинка на рекламе спорттоваров. Я заставила себя отвести глаза от мускулистого тела, мокрой от пота загорелой кожи и отгородиться от резких выдохов, которые он издавал, качаясь на силовых тренажерах. Мне ведь не должно быть до этого никакого дела, правда? Господи боже, ведь дал же ты ему зачем-то такое лицо и тело? Зачем? Чтобы быть вечным искушением для женщин? Я внутренне отмахнулась, решив подобные вопросы оставить без ответа. Как там говорят? В природе все взаимосвязано. Раз она порождает таких, как Рома, значит, это кому-то нужно. И судя по количеству озабоченных женских особей, то и дело дефилирующих мимо, нужно очень сильно. Но я в число нуждающихся точно не попадаю.

Закончив, пошла в сторону душевых и раздевалки. И понятно, что, оглянувшись, заметила сзади высокую мужскую фигуру. Ну и догадайтесь с трех раз, кто это был?

Приняв душ и переодевшись, выглянула в коридор. Ромы там не было. Ну и слава Богу! Но едва выйдя на улицу, я столкнулась с ним лицом к лицу.

– Привет, – расплылся он в радостной улыбке.

– Привет, – кивнув, на мой взгляд, достаточно вежливо, я постаралась его обойти.

– Подвезти? – и он опять заступил мне дорогу, причем и не пытаюсь сделать вид, что это случайность.

– Нет, спасибо, мне тут рядом. – Снова упрямо обошла его и направилась в сторону дома.

– Ну что же, пешие прогулки – это замечательно, – безмятежно заявил он, вдруг выдернул сумку у меня из рук и закинул себе на плечо.

Я резко остановилась и оторопело уставилась на нахала.

– Что? – обернулся он, наигранно-недоуменно приподняв светлые брови. – Тебе не попадались джентльмены, или просто все твои мужики стремились носить женские сумки?

Ла-а-адно, похоже, нужно высказаться прямо.

– Ром, какого хрена? – резко спросила я.

– Ты о чем? – Его лицо оставалось безмятежно спокойным, но в синих глазах появился какой-то жесткий, почти пугающий блеск.

– Что ты здесь делаешь? – я обвела улицу рукой.

– А ты разве не видела? Занимался, теперь провожаю тебя домой. Разве это не очевидно? – демонстративно невозмутимо пожал плечами он.

– Как ты попал именно в этот зал? – не унималась я.

– Пришел сюда за тобой, – сказал он как нечто само собой разумеющееся.

– Ка... То есть... Откуда ты узнал? – уже не на шутку раздражаясь, настаивала я.

– Ты даже не представляешь, сколько можно узнать о че-

ловеке, если внимательно рассматривать его фотки в соцсетях. Но ты задаешь все какие-то не те вопросы. Спроси лучше зачем, – говоря это, он прямо-таки набычился, словно готовясь к любовой атаке.

– Зачем, Рома? – спросила я, уже зная, что ответ мне не понравится.

Неожиданно с его лица исчезли последние следы веселости, и синие глаза полыхнули настоящим, ничем не прикрытым голодом.

– Ты знаешь! – твердо ответил он.

– Да какого хрена вообще! – Я вырвала у него свою сумку и быстро пошла вперед.

Но буквально через несколько шагов он обогнал меня и резко встал на моем пути. Я едва не уткнулась носом в его мощную грудь, и на меня лавиной обрушился его запах. И резкий отклик собственного тела на его близость, и этот чистый и дурманящий аромат заставили меня отшатнуться почти в панике.

– Лиза, мы должны поговорить! – попытался мужчина поймать мой взгляд.

– Да ладно?! – Низко опустив голову, упрямо обогнула его, будто именно это и было моей главной задачей на сегодня. – Отвали, Рома.

– Нет. Это невозможно, – твердо ответил он, не отставая.

– Слушай, какого тебе на самом деле надо? – остановилась я.

– Ты знаешь, – опять повторил он и посмотрел исподлобья.

– Да ни хрена я не знаю! И знать не хочу! Уйди с дороги, пожалуйста, – уже более спокойно попросила я.

– Нет! – мотнул он светловолосой головой.

Да что за детство, ей-богу!

– Ром, я прекрасно понимаю, что ты, видимо, хочешь переспать со мной, я права? – искривила рот, сиюсь изобразить желчную ухмылку.

– Да, – нисколько не смущаясь, кивнул он. – Но это далеко не все, что я от тебя хочу. И близко даже не все.

– Ром, я за-му-жем, – я произнесла это четко и отдельно, стараясь донести до мужчины ясное послание «У тебя нет шансов». – Вот прямо сильно замужем!

– Мои соболезнования твоему мужу, – нагло усмехнулся Рома, почти беспечно пожимая плечами.

– Черт, ты не хочешь понимать? Я замужем, и я не собираюсь спать ни с кем, кроме своего мужа. Это достаточно понятно? – ткнула пальцем в его грудь.

– Я тебя прекрасно слышу, Лиза. Но это ничего не меняет. Ты будешь трахаться со мной, а по поводу сна, тут уж как получится, – и на губах мерзавца расплылась самодовольная улыбочка, так и говорящая: «Мне не отказывают, детка».

Рома поймал мой палец, резко поднес к своему рту и, обхватив губами, втянул внутрь. Я мгновенно отдернула руку, но по телу уже ломанулась волна жара. Вот козел хитроза-

дый!

– Я? Трахаться с тобой? – просто задохнулась от такой вопиющей наглости. – Да ты не охренел ли вообще, дружочек? Голову давно проверял? Я сказала тебе – я замужем! – прошипела ему в лицо.

– А я сказал, что мне искренне жаль твоего мужа, и по-мужски его понимаю. Потерять такую женщину, как ты, – это охрененный удар ниже пояса. Но я, знаешь ли, эгоист и из чувства жалости делиться не собираюсь. – И Рома почти неувимым движением обхватил мой затылок и быстро и жадно поцеловал меня в губы.

Сделал он это так резко и отстранился настолько стремительно, что я и среагировать не успела. Но его вкус на моих губах заставил меня задохнуться и потерять ориентацию в пространстве на пару секунд. Это был шок, словно меня от души саданули по затылку, и я потеряла ощущение реальности. И хотя длилось это буквально несколько секунд, я увидела в наглых синих глазах торжество от произведенного эффекта.

– Ты больной вообще! Знаешь это? – яростно прошипела я, вытирая губы. – Кто тебе дал право прикасаться ко мне?

– Все, что у меня есть в этой жизни, хорошая моя, я взял или заработал сам. Так что мне не нужно ничего разрешения, – дерзко усмехнулся мужчина, глядя с выражением «три, не три, клеймо оставлено».

– Ты просто обнаглевший говнюк с непомерно раздутым

самомнением! – заводилась я все больше. – Если тебе нужно кого-нибудь трахнуть, почему бы тебе не вернуться в тот спортзал? Там было до хрена желающих запрыгнуть на тебя, жеребец! – орала на него, не заботясь, что нас могут слышать.

– Ревнуешь, Лизонька? Детка, если мне будет нужно просто кого-нибудь поиметь, мне даже с места сходить не надо, поверь, лишь выбрать и поманить пальцем. Но ты так не нервничай. Мне только ты нужна, и пока мы будем вместе, я тебе изменять не собираюсь! – нагло рассмеялся этот придурок.

– Ромочка, а ты, когда ходишь, через губу не спотыкаешься? – ехидно уточнила я.

– Нет, хорошая моя, не спотыкаюсь. И мне нравится, как ты меня Ромочкой назвала. Хочу, чтобы ты называла меня так, когда я буду глубоко в тебе, – прошептал он, опять наклоняясь к самым моим губам.

– Ты больной! – отшатнулась я.

– А ты повторяешься! Что, так завелась, что мысли путаются? – продолжал язвить Рома.

– Слушай, отвали от меня! – топнула ногой я, сжимая кулаки от бессилия.

– Или что? Мужу расскажешь? Так я только «за». Чем быстрее он узнает о наших отношениях, тем лучше. Это ведь будет честно, правда? Мы же не станем строить наше будущее на лжи? – Рома продолжал идти, нависая надо мной, и

шептать на ухо.

– Какое будущее?! Нет у нас никаких отношений и никогда не будет! Я люблю своего мужа! Все. Точка! – тихо, но яростно рычала я в ответ.

– Ага, запятая. Детка, я ведь еще не твой муж, но мне приятно, что ты меня любишь. Это все упрощает, – продолжал паясничать наглец.

Я резко остановилась и уставилась прямо в эти наглые синие глаза. И, несмотря на все клоунские ужимки, я увидела в них железную решимость и желание на грани смертельного голода. И на этот дикий коктейль мое подлое тело снова отозвалось волной жара и тянущей боли внизу живота и воплем: «Да-а-а! Именно этого же нам и не хватало!» Да что за нелепость! Черт, смотреть в эти глаза было ошибкой! С самого начала ошибкой!

– Я тебе не «детка»! – жестко отрезала я. Ну, как жестко... как пролепеталось.

– Нет? Тогда как? Милая? Дорогая? Ну-у-у-у, нет! Желанная? Любимая? Просто «моя»? Котенок? Цветочек? Зайка? Пупсик? – голос Романа постепенно из насмешливого трансформировался в чувственное рокотание. – Или как в детстве – Ромашка? Выбери любое подходящее.

– А что, по имени слабо? – озлилась я, оттого как его раскатистое «Р-р-рома-а-ашка» прокатилось запретной лаской по коже.

– Хорошо, я буду называть тебя по имени, когда буду глу-

боко загонять в тебя свой член. А ты в ответ будешь кричать мое. Часто будешь, Лиза.

Я стиснула зубы, просто запрещая своему мозгу представлять, как может выглядеть или ощущаться этот самый упомянутый орган, или на что может быть похож секс с ним. Нет-нет-нет, я на эти похабные пикировки не ведусь!

– Во-первых, перестань жрать озисительные таблетки и предаваться фантазиям наяву. Трахать ты меня никогда не будешь, – я вложила в свой тон всю язвительность и пренебрежение, которые только нашлись в этот момент во мне. – А во-вторых, даже если бы это и случилось, то при таком богатом опыте не боишься, что в самый неподходящий момент имя перепутаешь? Для того весь этот зоопарк с зайками и котятами и нужен таким, как ты? Чтобы не схлопотать в глаз от женщины, помнящей, что такое чувство собственного достоинства?

Мужчина резко наклонился к моему лицу так, что его губы почти задевали мои.

– Ромашечка, поверь, я мог бы перепутать чье угодно имя и даже при этом не испытывать ни грамма раскаяния, – прошептал он, – но когда это касается тебя, то можешь не бояться. Тебя я ни с кем не перепутаю. Ни спросонья, ни даже если буду в, мать его, коме!

И его яростно-голодный взгляд опять прошелся по моему лицу и губам так, что меня просто жаром облило. Ну какой же он все-таки придурок и нахал!

– Рома, оставь меня в покое, пожалуйста, – неожиданно хрипло взмолилась я. – Мне ничего этого не нужно. Вокруг полно одиноких женщин, которых ты можешь осчастливить своим вниманием. Я не из них. Ты мне не нужен.

– В самом деле? Попробуй убедить меня в этом еще разок тогда, когда твои соски не будут так настойчиво требовать приласкать их. А то, знаешь ли, я от этого страстного призыва твоего тела на словах сосредоточиться не могу – боюсь слюной захлебнуться! – И Рома чувственно и плотоядно облизнул свои губы так, что меня словно разрядом шибануло.

Я опустила глаза и действительно увидела, что эти суча-та-предатели торчат сквозь одежду, как долбаные сигнальные буйки на ровной глади моря. Да охренеть вообще! Я вспыхнула от смущения и злости и понеслась к своему подъезду так, будто за мной черти гнались.

– Пошел ты! – задыхаясь, заорала я.

– Можешь уже собирать вещи, Лизонька, – нагло хохоча, заявил засранец. – Хотя нет, брось все на хрен! Хочу тебя голую! Все, что тебе нужно, и все, что захочешь, я дам тебе сам! Слышишь, Лиза!

Яростно захлопнула дверь подъезда прямо перед носом вконец охамевшего засранца. Оказавшись в лифте, дала выход раздражению, завопив во всю мощь легких:

– Иди на хрен, придурок!!

В этот момент створки разъехались, и я столкнулась нос к носу с сыном наших соседей, молодым парнем в бандане с

гитарой в чехле за спиной.

– Мощно! – ухмыльнувшись, прокомментировал он.

Мы поменялись местами, я выскочила из лифта, а он вошел. Я стала шарить в кармане, доставая ключи. Парень же, имени которого я даже не помнила, вдруг остановил уже закрывавшиеся двери лифта и высунул голову.

– Э-э-эм, знаешь, соседка, ты реально клевая. Давно хотел сказать. – И двери лифта захлопнулись, оставив меня стоять в недоумении.

Я вздохнула. Сегодня явно не мой день. Надо было вообще не выходить. Тут запел мой сотовый. Сашка.

– О, ты решил вспомнить, что у тебя есть жена? – не смогла я сдержать сарказма.

– Лиза, я никогда об этом и не забывал, – после полуминутной паузы ответил муж. – И что за тон? Что ты такая злая? Случилось чего?

Ах да, милый, случилось – так и подмывало сказать меня. Милый белобрысый мальчишка, друг из моего детства, превратился в оборзевшего роскошного самца и возжелал поиметь меня. Да, и еще он только что поцеловал меня, и я возбудилась от одного его взгляда и слов так, как будто пару лет голодала. Да что там пару лет! Всю жизнь!

– Ничего не случилось, – примирительно пробормотала я, входя в тишину и пустоту нашей квартиры и окунаясь в ее привычный запах. – Немного перестаралась на тренировке. Сейчас полежу в ванной, и все пройдет. Как ты? Там весело?

– О, да! У меня уже мозг кипит, – желчно ответил Сашка. – А впереди еще столько дней. Хочу домой, к тебе под бочок. Скучаю по тебе, – только голос сухой, как по бумажке читает.

Черт, я уже, видимо, ко всему придраться готова. Надо остановиться и взять себя в руки. Я выдохнула и ответила:

– Я тоже скучаю.

– Ладно, давай, меня уже зовут, – и муж отключился.

Ну вот, пара фраз, и все. И вся любовь.

Села на кухне и набрала Ольгу.

– О, привет, Лизка! – завопила она в трубку.

На заднем плане опять орала музыка, значит, где-то тусит.

– Привет, Оль. Как ты? С утра голова не болела? – уточнила с улыбкой.

– Ой, да брось. Что мы там вчера выпили-то. Смех один. Ты нормально добралась?

– Да, хорошо все, – заверила ее.

– Ну и ладно. А мы вчера с Ромочкой еще почти час болтали, – чуть понизив голос, сообщила она. – И представь, все время о тебе. Если бы не знала, что вы стародавние друзья, то решила бы, что он на тебя реально запал.

– А что, думаешь, не мог? – спросила неожиданно даже для себя самой.

– Да нам с тобой о таких, как он, нечего и мечтать, Лизок! Ты ведь замужняя дама, на хрена ему такие трудности, если вокруг него бабы так и выются? Ты в интернете глянь, с ка-

кими он на людях появляется. У него их целый табун, млять. И все модели и эти, как их... светские львицы, мать их. Ты у нас тоже краса неопиcуемая, но я видела вчера, как он на твое колечко обручальное пялился. Для нашего Ромика это, видно, стоп-сигнал. – Ага, знала бы ты, подружка, где он видел эти стоп-сигналы.

– Да ладно, Оль, было бы о ком говорить, – тут же захотелось свернуть разговор, самой и спровоцированный. – Ну, был милый трогательный мальчик Ромочка, ну, превратился в самовлюбленного кобеля и бабника, так это ж нормальный процесс мужской эволюции. Чего о нем говорить-то вообще?

– Ты у нас замужняя, тебе, может, и не надо говорить. А я дама с некоторых пор свободная, так чего ж не поговорить-то, – грусть лишь на мгновение пробилась сквозь бурлящую жизнерадостность Ольги, но тут же исчезла. – Когда увидимся?

– А когда тебе удобно?

– Ну, давай в следующую пятницу. Твой же еще не вернется?

– Нет, только в воскресенье. Кстати, можешь остаться на ночь у меня. Чего через весь город-то переться?

Мысль устроить долгие ночные посиделки в этот момент показалась мне просто замечательной.

– Ну, тогда лады! Я еще позвоню тебе! Пока!

Остаток дня я посвятила домашней работе, которую, как известно, никогда не переделать. Вечером, уместившись в

постели, я всячески гнала от себя мысли о наглых синих глазах и дерзком рте, из которого постоянно сыпались все эти слова, которые должны были возмутить меня, но почему-то возбуждали. Я, блин, что, такая же больная, как этот Рома?! Откуда он взялся на мою голову с этим потрясающим телом и резко очерченными, но такими мягкими губами, что никак не выдворить из мыслей. От воспоминания о мимолетном их прикосновении к моему рту меня вдруг бросило в пот, и тело налилось сладкой тяжестью. Вот урод! Он ведь именно этого и добивался наверняка. Только зачем? Сон никак не шел. Я вертелась так, словно простыни были раскаленными. Металась в ловушке собственных мыслей. Это ведь всегда так. Чем больше себе приказываешь не думать о ком-то или о чем-то, тем упорнее эти мысли лезут в твою голову. Словно мерзкие тараканы. Стоило прихлопнуть одну, а тут на ее месте уже две новых. Да еще резвее и красочнее прежней.

Когда я отключилась, не знаю. Знаю только, что приснилось мне, что муж ласкал меня, как обычно по утрам, прижавшись сзади и потираясь о мои ягодицы своим членом. Его руки скользили по обнаженной коже, а язык облизывал мое ухо и нежно прикусывал за мочку. Тело дернулось, выгибаясь и теснее прижимаясь к мужской твердости.

– Я так давно хочу тебя, Лиза-а-а-а! – простонал голос совсем не мужа мне в ухо.

Я хотела остановить это, вырваться, но сильные мужские руки намертво прижали меня к мощному телу. И я уже такая

насквозь влажная и безнадежно разгоряченная, что от этого властного удержания буквально потеряла волю и сама принялась тереться о его член, такой гладкий и твердый, пульсирующий столь близко к моему сводимому спазмами центру. Мужчина сзади зарычал и впился в мое плечо зубами, не больно, но дико возбуждающе, желая сдержать мои ерзання, и тут же ворвался сзади, мощно и беспощадно. Уже одно его вторжение привело меня на край. А когда он начал двигаться быстро и сильно, словно наказывая меня за что-то и издавая при каждом движении звуки, говорящие о крайней степени наслаждения, мое тело начало трястись и сокращаться вокруг него.

Я, вся потная, подскочила на постели, чувствуя внутри затухающие спазмы от оргазма. Дожила! При живом муже кончаю во сне, да еще и ладно бы снился какой-нибудь актер или демон секса воображаемый. Так нет же, приснился абсолютно конкретный наглый мерзавец, самовлюбленный бабник и кобель и, по совместительству, милый мальчишка из моего детства, прочно засевший в моей голове. Хотя чего мучиться? Как там любят говорить эти психологи? Мой бедный мозг пытался переварить полученную за день информацию и... И что «и»? Чего мозг мой, переваривая ее, варит чего-то не то? У него настройки по перевариванию сбились, видимо. Избив подушку в раздражении, я повалилась на постель и вскоре заснула уже без сновидений.

Глава 3

Утром я едва смогла продрать глаза. Хорошо, что воскресенье. Я сегодня обещала к маме с папой на обед приехать. Сползала в душ, после завтрака обзвонила подруг. Ленка предложила немного посидеть в нашем любимом кафе вечером. Договорились на восемь. Кинула взгляд на часы – как раз пора было начинать собираться, а то пока доеду через полгорода, уже и обед.

Когда вошла в квартиру родителей, что-то неожиданно насторожило меня: чужой голос, глухо доносившийся из зала, или будоражащий запах уже знакомого парфюма?

Мама буквально выбежала мне навстречу, сияя как новая копейка.

– Лизонька, здравствуй, доченька! – обняла она меня, даря ощущение родного тепла. – Ты даже не догадываешься, кто у нас сегодня в гостях!

– Правда, что ль? – натянула вымученную улыбку, уже почти точно зная, кого увижу.

Хотя оставалась крохотная надежда, что я ошиблась, ну не до такой же степени он... Блин, до такой.

Мама впихнула меня в зал, где установили почти праздничный стол. Уж не в честь ли «дорогого гостя» столько суэты? По поводу обеда со мной уж точно так заморачиваться не стали бы. Наглые синие глаза смотрели на меня с другого

конца комнаты, где мой отец что-то вдохновенное ему втирал, демонстрируя одно из своих ружей. Мерзавец кивал и поддакивал, не сводя глаз с меня. Нет, у него что, вообще понятия о границах не существует?

– Ромочка, вот и Лизонька пришла! Это ж сколько лет вы не виделись? – настойчиво пихала меня в спину мама. – Лиза, что ты, это же Рома Соринов, сосед наш бывший!

Я молчала, обещая взглядом Ромочке разнообразные варианты убийства на выбор. Мне не принципиально. Главное, чтобы были с пытками и расчленением. В ответном же взгляде только безмятежное нахальное веселье. Ну-ну, веселись, Ромочка, пока можешь!

– Тринадцать лет! – ответил он. Врешь ты все, белобрысина! И суток не прошло!

– Ты представляешь, Лизонька, папа сегодня утром пошел в магазин за хлебом, и надо же! К нему подошел молодой человек и спросил: «Вы, случайно, не Михаил Ромашин?!» – выдавала тем временем мама легенду этого диверсанта. Ну да, сходил папа за хлебушком.

– Случайно? – язвительно спросила я.

– Совершенно! Представляешь, какая удача! – изобразил радостного идиота Рома, высоко подняв свои светлые брови.

– Так вот, папа удивился, конечно, – невозмутимо продолжила свой рассказ мама, – но Рома представился. Папа так обрадовался, тут же вспомнил прошлое, даже прослезился! И сразу же пригласил Рому к нам на обед сегодня. Правда

замечательно? Вы же когда-то были не разлей вода!

Да, – так и захотелось сказать мне, – только тогда папочка считал Рому недостойной компанией для его доченьки. А теперь, если Ромочка ездит на крутой тачке и одевается от лучших домов, конечно, можно и на обед его пригласить! И даже мне ничего не сказать! Я бы срочно заболела или на строгую диету села, исключаящую посещение семейных ужинов на фиг!

– А что же ты, Ромочка, – и губы мерзавца расплылись в чувственной улыбочке при звуке своего имени, – делал в этом районе с утра пораньше?

– Я как раз домой, знаешь ли, собирался. От своей девушки, – синие глаза дерзко блеснули, явно желая понять, какое действие произведут на меня слова о наличии у него девушки.

А никакого, обломайся!

– Девушка – это хорошо! – теперь чрезмерно радостно начала улыбаться я. – Девушка – это просто замечательно! Только в твоём возрасте у других уже жены есть.

– Лиза! – одернула меня мама.

– Ну, и у меня скоро будет! – уверенно заявил наглец.

– Правда? – притворно изумилась я. – Так это же просто здорово! На свадьбу пригласишь?

– Уж в этом не сомневайся, Лизонька. Ты там точно будешь. – И снова этот самоуверенный взгляд и тон «я знаю то, чего не хочешь признавать ты».

– Класс, люблю свадьбы, – продолжила я жизнерадостно. – Только ты смотри – мне пригласительный на двоих. Я ж без мужа по таким мероприятиям ни-ни. Мало ли, вдруг кто приставать начнет.

Лицо Ромочки моментально помрачнело, а глаза сузились.

– А ты не переживай, Лиза. На ЭТОЙ свадьбе к тебе точно никто пристать не рискнет!

– Так, ребятки, пора за стол, – включила командующую мама. – Рома, идите мыть руки, а то Миша со своими ружьями вон вас в масле изгваздал. Лизонька, проводи гостя.

Тоже мне, гости, в попе гвозди! Звал его кто! А я будто и не гость вовсе!

Я пошла вперед, показывая дорогу в ванную. Небось и сам не заблудился бы, гость недоделанный. Чай не замок у нас с лабиринтами! Только вошла в ванную, чтобы достать из шкафчика полотенце, как вдруг дверь резко закрылась за нами, и я оказалась, как кукла, развернута и зажата между раковиной и большим горячим мужским телом. Собралась возмутиться такой наглостью, но Рома буквально впился в мой рот, удачно используя тот факт, что я открыла его в возмущении, закрепляя свой успех агрессивными движениями языка и прикусывая мою нижнюю губу. Жадно облапывая всю и сразу так, будто я была последним, к чему ему суждено прикоснуться в жизни. Он удерживал мою голову за затылок, не давая опомниться, и безжалостно сминал мои губы, бес-

стыдно вторгаясь языком, облизывая, всасывая, подчиняя. Безостановочно терся об меня всем своим телом, создавая эффект присутствия везде, на каждом сантиметре вспыхнувшей от этого контакта кожи.

Его атака была столь стремительна, а мое раздражение на него так сильно, что это сыграло со мной злую шутку. Я яростно ответила на его поцелуй раньше, чем сообразила, что вообще творю. Мое тело словно взорвалось фейерверком новых ощущений и вкусом его рта, и тяжелая, густая волна желания покатила вниз, заставляя бедра бесстыдно толкаться навстречу. И пусть это длилось лишь мгновение, но Рома сразу же почувствовал мой отклик, глухо и голодно застонал в мой рот, моментально становясь твердым и до боли вжимаясь в мой живот. Я опомнилась через секунду, но уже было безнадежно поздно. Ущерб нанесен. Самовлюбленный мерзавец уже прочитал все, что ему нужно, в непроизвольной реакции моего тела.

Я резко отпихнула его от себя, но Рома даже не стал сопротивляться. Чего уж, он же получил нужный результат.

– Ты совсем охренел? – яростно зашипела я на него, тем не менее избегая прямого взгляда.

– Не знаю точный медицинский термин, Лизонька, но «охренел» – это явно не то, что сейчас со мной происходит. Хотя про «совсем» – это ты права. Я так безумно хочу тебя, что уже совсем близок к тому, чтобы совершить нечто противоправное. Тебе нравится доводить меня до самой грани?

Ты любишь такие игры? – Он тяжело дышал, его глаза сузились, прожигая меня насквозь, а лицо стало хищным.

– Я никуда тебя не довожу! – огрызнулась я, звуча при этом даже для собственного слуха слегка отчаянно. – И ни во что с тобой не играю! Ты просто псих! Вали к своей девушке. Если ей нравятся такие игры, то с ней и играй! Я тебя не хочу и никогда не захочу! У меня есть муж! Я его люблю!

– И поэтому ты целовала меня так, будто я последний глоток воздуха, и терлась об меня, как течная кошка? – Хорошо, что ему хватило ума не ухмыляться, иначе членовредительства с моей стороны было бы точно не избежать. – А если я сейчас засуну руку в твои трусики? Уверен, ты окажешься там совершенно мокрой!

– Боже, ты правда совсем чокнутый! – попятилась я, не желая признавать, что на этот раз он абсолютно прав.

Я текла так, как, наверное, никогда за все время с Сашей. Даже в начале наших отношений. Да, пожалуй, никогда в жизни. И от этого стыд буквально брал меня за горло, лишая воздуха.

– Да, я чокнутый! Помешанный! На тебе, Лиза!

– Отвали! – прошептала я и вывалилась из ванной.

Мы расселись за столом. Мама хлопотала, как всегда, желая убедиться, что накормит всех до отвала. Папа открыл вино, но я отказалась, разумно полагая, что алкоголь может сыграть со мной злую шутку, когда я в таком состоянии. Сорвусь и наговорю лишнего. Или вообще... мало ли что. Ро-

му усадили напротив, и теперь он улыбался с видом счастливого идиота, не сводя при этом с меня взгляда, в котором весельем и не пахло. Я же смотрела куда угодно, только не на него.

– Доченька, а чего ты отказываешься от вина? Папа твое любимое купил, – удивилась мама.

– Э-э-э, ты знаешь, я просто воздержусь. По некоторым причинам, – пожалала я неопределенно плечами.

На секунду воцарилась тишина, затем раздался радостный возглас мамы:

– Ну наконец-то, Лиза! А то сколько же можно с детьми тянуть!

Я в недоумении уставилась на нее, а потом до меня дошло. Вот ведь как загадочно у моей мамы мозг работает. Стоит отказаться от бокала вина за обедом, и сразу хоп! – ты уже беременна.

Я уже открыла рот, чтобы возразить, но вдруг заметила, как напрягся напротив Роман. Черты лица словно окаменели, и в глазах запылал гнев. Ага, кажется, волшебное слово «беременность» – кошмарный сон всех холостяков – и тут работает безотказно. Ну, тогда повременим с откровениями, может, и проблема в виде якобы влюбленного мачо рассосется сама собой под действием этого чудного слова-пугача.

– Ох, а мы-то уже как внуков заждались! – продолжала родительница развивать желанную тему. – Пять лет ведь почти уже живете как-никак! Эх, Мишенька, налей мне попол-

ней, в честь такой радости! Ромочка, выпьете с нами за такую чудесную новость?

Ненавижу врать родителям! И ненавижу сейчас Рому за то, что сейчас вынуждена молчать и позволять им думать о том, чего и близко нет.

– Мама, ну еще ничего определенного, – промямлила я, пытаюсь как-то смягчить будущие последствия.

– Простите, я не пью, – довольно резко ответил Рома, уже не глядя на меня. Его лицо стало каким-то отрешенным, будто мыслями он уже был в другом месте. Быстро все, однако!

– За рулем? – деловито осведомился отец.

– И это тоже, – сухо кивнул Рома. – Но в основном – не хочу искушать свою дурную наследственность. Уж вы-то знаете о том, что моя мать была запойной. Да и отец, когда выходил после отсидки, почти не просыхал.

Мне неожиданно стало больно от его жесткого тона, и я вспомнила его вечно пьяную мать и их с Колькой – всегда полуголодных и неухоженных. Я перевела глаза на Рому, желая показать, что мне безумно жаль его загробленного детства, но натолкнулась на суровый, агрессивный взгляд. Ему явно не нужна была моя жалость.

– Ну, тогда вдвойне приятно видеть, что ты, Ромочка, несмотря ни на что, вырос таким сильным и успешным человеком, а не пошел на поводу у обстоятельств, – тепло сказала моя мать, и ей он улыбнулся с искренней благодарностью. – Гордись собой, сынок!

Отец с мамой выпили за «приятное известие», и застольная беседа пошла своим чередом. Начали вспоминать жизнь в старом дворе, а точнее, в основном все те проделки, которые мы устраивали раз за разом. Потом почему-то плавно перешли на пересказ конкретно моих многочисленных выходов. Я уткнулась в тарелку и молчала, зато Рома засыпал моих родителей многочисленными вопросами, хохотал, делая вид, что ему безумно интересно, что же из моих «подвигов» в детстве ускользнуло от его внимания.

– Я всегда знал, что ты любишь животных, Лиза, но чтобы настолько! – смеялся он после очередного компромата на меня, любезно предоставленного моей мамой. Интересно, Сноуден не ее ли тайный отпрыск, учитывая эту неестественную тягу к откровениям.

Я скрипнула зубами, но промолчала. Что, кроме как обо мне, и поговорить больше не о чем? Есть же вон погода, цены, в конец охреневшие политики или Галкин там с Пугачевой!

– Ой, Ромочка, вы еще столько не знаете! – заливалась мама соловьем. – Вот приехал Миша как-то с рыбалки и вывалил мне в таз улов из рюкзака. А Лиза-то, естественно, тут как тут! Она с Мишей на рыбалку ездила с самого малолетства, ей и сейчас дай удочку в руки, и все – пиши пропало, от воды не оттащишь! Так о чем это я? Ах, да. Так вот, я смотрю тогда и помню, что среди рыбы была большая такая штука! Стала чистить да мыть – нет щуки. Поискала – нет нигде.

Ну, думаю, может, причудилось. Так вот, спустя несколько дней чувствую в комнате у нее какой-то запах неприятный, прямо скажем. Я и туда заглянула, и сюда – ничего не пойму! А запах-то все сильнее! Ну, я позвала Мишу и попросила отодвинуть диванчик, на котором она спала. А там, батюшки мои! Та самая щука, уже вся вздувшаяся и вонючая, головой в детское пластиковое ведро воткнута и вокруг все шоколадной крошкой обсыпано, видно, кормила Лизка ее!

Надо было видеть, как ржал этот чокнутый, ну натуральный конь!

– Вы же не купили мне аквариум! – огрызнулась я.

– Да, досталось ей тогда от отца, неделю присесть не могла! – Нашли, чем хвалиться! Домашним насилием.

– Да это еще что! – решил «вставить свои пять копеек» и папа. – А когда она после возвращения из деревни сперла магазинные яйца из холодильника и, завернув их в тряпку, заныкала за батареею чтобы, видишь ли, цыплята вывелись?

А что такого-то? Цыплята милые, кто их не любит? Откуда я знала тогда, что неправильные фабричные куры несут неправильные яйца, без зародышей? Мама всплеснула руками.

– А то! Я же когда генералила в ее комнате через месяц, а то и более, увидела, что угол тряпки какой-то из-за батареи выглядывает. Ну, я, недолго думая, и дернула за него. А оттуда тухлые яйца как посыплются, и все разбились. Ох, повезло тебе, Лизка, что ты в тот момент в школе была, а когда

пришла, я поостыла!

Я неопределенно промычала, вспоминая, как моей многострадальной попе обошлось это «везение».

Рома уже не просто ржал. Он стонал и вытирал слезы, закатывая глаза, и только что лбом об стол не бился. Я тоже с трудом могла сдержать улыбку при виде его такой реакции на рассказы моих родителей.

– Значит, ты у нас стремилась обзавестись хозяйством? – перестав всхлипывать, спросил он. – А я думал всегда, что ты чисто городская девушка и сельские радости тебе совершенно чужды.

– Это лишний раз показывает, что ты меня совсем не знаешь, – не преминула укусить я.

– Ну, это ведь легко исправимо, – парировал Рома.

– Что вы, Ромочка! – тут же подхватила тему мама. – Это сейчас она у нас вся такая городская! Сашенька наш ведь вечно занят, они-то и за город, наверное, уже сто лет не ездили. А в детстве Лизу от бабушки из деревни можно было только волоком забрать! Мы ее в электричку вносили так, что весь народ на перроне покатоком лежал. Прямо как в том старом мультике, когда Баба-Яга мальчика в печку совала. Мы ее туда – а она руки-ноги в стороны растопырит и в двери как клещ впивается – не оторвешь! И орет истошно так, что все постовые вокзальные сбегаются.

Вот спасибо, мама родная, болтун – находка для шпиона, называется. Вон как Ромочка весь подобрался при упомина-

нии о Саше и его вечной занятости. Словно охотничий пес стойку сделал.

– Мам, я давно выросла, далась мне эта деревня! – отмахнулась я.

– Да ладно, Лизонька! Рома ведь – свой человек, знает тебя. Думаешь, я не слышала, сколько раз ты просила Сашеньку свозить тебя на выходные к бабушке или просто в лес?

– Мама, Саша работает! Ему некогда! – с нажимом произнесла я.

– Все, молчу я! – надулась мама, Рома опять весь напрягся. – Я ж ничего против не имею. Сашеньку мы очень любим! Лучшего для тебя и желать нельзя! Понимаю, что он очень целеустремленный, но мне иногда кажется, что ты у меня такая одинокая, Лизонька.

Так, все, хватит! Достали меня уже одни и те же разговоры по кругу. А тем более, когда сейчас напротив сидит этот хитрый засранец и ловит каждое слово и эмоцию на моем лице.

– Мама, я не одинокая! У меня все прекрасно! У нас с Сашей все прекрасно! И давайте закроем эту тему! И вообще, мне пора уже, я договорилась с девчонками в кафе встретиться. Тебе помочь убрать со стола, мам? – Я решительно поднялась.

Напротив мое движение зеркально повторил Рома.

– Не надо мне помогать, – явно обиделась мама, но я потом как-нибудь это замну. – Я же о тебе беспокоюсь! Нельзя все время только работать! Что за семья, если вы всегда по-

врозь! Давно тебе пора уволиться и ездить с ним везде.

Я поцеловала мать в щеку.

– Спасибо. Все было очень вкусно, как всегда!

– Я подвезу тебя! – тут же влез Рома. – Большое спасибо, тетя Валь, было и правда безумно вкусно. Дядя Миша, искренне благодарен за приглашение. Давайте теперь вы ко мне в гости, а? Я сам, конечно, не готовлю, но домработница у меня – просто волшебница!

Я не стала дослушивать, чем там все дело кончится, и пошла обуваться в прихожую. Следом вскоре вывалились все, и мама облобызала Рому на прощание. Я закатила глаза, когда она чуть дернула меня за ухо и поцеловала в щеку.

– Ты уж доведи ее, Ромочка! – попросила мама.

– В этом можете и не сомневаться. Довезу, – как-то почти угрожающе сказал Рома, или мне из-за нервов уже чудится.

Я не стала при родителях говорить, что хрен сяду к нему в машину. Мы все тепло распрощались и вышли из квартиры. Я решительно направилась в сторону лестницы, не желая оказаться запертой наедине с Ромой в крошечном пространстве лифта. Это было бы уже чересчур на сегодня. Но он резко схватил меня за локоть и притянул почти вплотную к своему телу.

– Лиз, ну не дури! – сказал он мне в затылок, нажимая кнопку лифта. – Не собираюсь я набрасываться на тебя в вонючем лифте и трахать у стены до потери сознания. Хоть и очень хочется.

Его слова и дыхание у меня в волосах заставили резко и сладко сократиться мышцы внизу живота. С каких таких пор у меня там уши и мозги, реагирующие отдельно от моих собственных?

Я выдернула у него свой локоть, но повернуться лицом не рискнула.

– Вот как? А вот в ванной мне так не показалось! – усмехнулась и тут же осеклась, припомнив, какой позорной была собственная реакция.

– Извини, просто не видел тебя почти сутки и не смог сдержаться! – усмехнулся он, аккуратно вталкивая меня в открывшийся лифт.

– Ром, до этого ты меня не видел тринадцать лет и ничего, прожил как-то. – Я отступила подальше и развернулась наконец к нему лицом.

Но, естественно, наглец шагнул ближе и, поставив свои мощные руки по обе стороны от моей головы, склонился и с нескрываемым наслаждением уткнулся в мои волосы.

– Просто был дураком, забыл за всей суетой, что для меня главное, и потратил уйму времени впустую, – пробормотал он и продолжил вдыхать так, будто не мог надышаться.

Он нигде не прикасался к моей коже, и все равно, это было так интимно и волнующе, что я едва смогла сдержать дрожь, прокатывающуюся по телу от его дыхания.

– Как ты здесь-то оказался? – спросила я, чтобы хоть о чем-то говорить и не погружаться в это странное чувство.

– В этот раз все действительно вышло совершенно случайно. Отца твоего увидел, когда он в магазин заходил и узнал. Веришь? – хмыкнул Рома мне в волосы.

– С трудом. Ром, зачем ты все это делаешь? – почти умоляюще, тихо спросила я.

– Ты знаешь, Ромашка. Ты все прекрасно знаешь! – грустно вздохнул он.

Двери лифта открылись, и мы вышли.

– Ладно, я пошла. – Я решительно направилась в сторону остановки.

– Стоять! – властно рявкнул Рома. – Я пообещал твоим родителям, что отвезу тебя, и я это сделаю!

– А я говорю, что никуда с тобой не поеду! – встала я в позу.

– Лиза, я пообещал твоей матери и выполню обещание, даже если придется тебя в машину силой запихнуть. Так что выбирай: или идешь сама и красиво садишься в роскошную машинку, или я закидываю тебя сейчас на плечо, несу и все равно запихиваю в ту же самую машинку. И это будет совсем не красиво, зато в процессе у меня будет возможность как следует тебя облапать. Ну, так как?

– Я закричу! – пригрозила ему.

По лицу наглеца расплылась такая похабная улыбочка, что меня затрясло от злости.

– Да, моя Ромашка! Я надеюсь, что ты будешь кричать громко! Но только не здесь и не сейчас.

Боже, он просто невыносим!

– Где твоя долбаная машина? – сдаваясь, прошипела я.

– Прошу! – указал Рома на реально роскошную иномарку.

Усевшись на переднее сиденье, я злобно посмотрела на него.

– Кафе «Каприз», пожалуйста, таксист!

– Да, Лизонька! – расплылся в улыбке наглый шантажист. – Ты же знаешь, что и этот каприз, и любой другой! Все, что захочешь, только попроси! – довольно пропел он.

– Черт, знаешь, чего я не могу понять, Рома? – повернулась я к нему, пристегнувшись.

– Чего, моя хорошая?

– Ты охрененно выглядящий, взрослый, сексуально привлекательный мужик. Почему ты ведешь себя со мной как реально озабоченный подросток, которому никто не дает, и во мне последний шанс лишиться девственности увидел?

Сказав, я прямо дыхание затаила, ожидая, что он обидится, но не тут-то было.

– А вот ты и попалась! Ты считаешь меня охрененно сексуальным! И я же не виноват, что при взгляде на тебя я опять чувствую себя озабоченным подростком! Уж так ты на меня действуешь, Лизонька! – подмигнул мне Рома.

– А, типа, это должно мне польстить и невероятно обрадовать?

– Согласись, это лучше, чем, если бы при взгляде на тебя я начинал сосать палец и мочиться в штаны? Хотя я не

отказался бы от того, чтобы ты поменяла мне штанишки! – рассмеялся неугомонный нахал.

– Ты просто невыносим! – не смогла и я сдержать улыбки.

Вскоре он притормозил около «Каприза». Я быстро выбралась из машины.

– Ну, все. Давай, пока! – И я быстро пошла в сторону входа.

Но тут мне на талию по-хозяйски легла его рука.

– Нет уж, я провожу тебя до места, – заявил Рома.

– Рома, ну хватит уже, на нас люди смотрят! – возмутилась я, пытаюсь освободиться.

И тут увидела, как сквозь большие стеклянные окна кафе на нас, застыв с открытыми ртами, уставились мои подруги.

– Вот и не дергайся, привлекая лишнее внимание! – крепче прижал меня к себе этот наглец.

– Я убью тебя, Ромочка, – тихо пообещала я, натянув улыбку и помахав девчонкам. – Жестоко!

– Я не против, если моя смерть случится от истощения в постели! Согласен на много-много жестких и потных телодвижений! – выдохнул он прямо мне в ухо, посылая толпы мурашек.

Мы вошли в кафе и остановились перед столиком, за которым сидели девчонки.

– Всем привет! – как можно беззаботней сказала я, плюхаясь на лавочку.

– Добрый вечер, девушки, – промурлыкал Рома, одаривая

моих зависших подруг сбивающей с ног сексуальной улыбочкой. – Вот, доставил Лизу в целости и сохранности!

– О-о-о! А-а-а, – отмерла наконец растекшаяся лужей Ленка. – А ты не представишь нам своего друга, Лизонька?

– Нет! – невежливо отрезала я. – Он все равно уже очень торопится!

– А вот и нет! – И Рома бесцеремонно уселся рядом, вынуждая меня подвинуться. – До пятницы я совершенно свободен! Меня зовут Роман, и мы с Лизой о-о-о-очень старые друзья! Правда, Ромашечка моя?

И из его уст это прозвучало настолько двусмысленно, что мне осталось только закатить глаза на вопросительно-обвиняющие взгляды подруг.

– И где же это Лиза умудрялась вас столько лет от нас прятать? – Ну да, Катька тоже тут же врубила режим охоты.

– За пазухой! – огрызнулась я и с нажимом спросила: – Ром, тебе разве никуда не надо?

– Не-а! Я с удовольствием составлю компанию таким милым дамам, если вы, конечно, не против? – невинно взмахнул он своими густыми ресницами. Вот ведь засранец.

Естественно, мои подруги ему дуэтом ответили, что они ну вот абсолютно «не против» его общества.

– Ты испортил мне обед у родителей, а теперь и до подруг моих добрался? – прошептала я, склонившись к его уху.

– М-м-м-м. Как приятно, – так же тихо мурлыкнул этот наглец, резко прижимаясь ухом к моим губам, прежде чем я

успела отстраниться. – Делай так почаще.

Мне осталось только сидеть и наблюдать, как он обольщает и перетягивает в лагерь своих безмозглых фанаток обеих моих подруг, проявляя чудеса остроумия и галантности, а они растекаются лужами карамели под его синими глазами. Высидев так около двух часов, наблюдая за всем этим цирком, я больше не выдержала и поднялась.

– Ладно, народ. Веселитесь дальше, а я домой. Мне завтра на работу! – и многозначительно посмотрела на Ленку.

Естественно, она поняла меня без слов, хотя я и видела тень удивления в ее глазах. Вариант с техничным избавлением от навязчивых поклонников у нас был давно отработан, но сегодня моя подруга, видимо, не совсем прониклась ситуацией. В ее глазах так и читалось: «Ты уверена?» Я кивнула.

– Я подвезу тебя, – тут же подорвался Рома.

– Я отсюда пешком, тут через дворы пара минут, – и я подняла брови, призывая Ленку действовать.

– Да, Роман, Лиза прекрасно дойдет сама, а вы останьтесь еще с нами! Вы такой замечательный собеседник! – И она впилась в его руку через стол.

– Да, да, Роман! – И Катька тут же втиснулась на мое освободившееся место, вцепилась в его предплечье наманикюренными пальчиками и заканючила: – Нам без вас будет так скучно!

Пока Ромочка придумывал, как освободиться из цепкой хватки моих подруг, я быстро выскользнула из кафешки и

ушла домой.

По дороге набрала Сашку, но он не ответил. Стало почему-то обидно. Я тут, можно сказать, противостою искушению, а ему и пару слов сказать жене трудно. Подавляя растущее раздражение, убедила себя, что Саша увидит мой неотвеченный и перезвонит позже. Но ни в тот вечер, ни на утро муж мне не перезвонил.

Глава 4

...Мои сны опять были далеки от целомудрия. Синеглазый нахал, отравлявший мне весь прошлый день, не оставил меня в покое и ночью. Сначала мне снилось, что мы сидим в старой беседке в нашем дворе, той самой, в которой мы проводили столько времени в детстве. Я отчетливо видела темно-зеленую, облупившуюся краску на лавках и столбиках, ощущала запах сырости от цементного пола, что всегда витал там. На улице смеркалось. Рома обнял меня со спины, прижимаясь всем своим сильным, теплым телом, словно окутывая меня всю. И мне было бесконечно комфортно. Он уткнулся лицом мне в волосы и, тяжело вздохнув, прошептал:

– Я так скучал, хорошая моя. Я так сильно скучал, – в тихом голосе столько тоски и облегчения одновременно, что у меня сжалось горло и глаза затуманились.

Мы так и сидели, не шевелясь, не лаская друг друга, но в этом простом объятии было так много пронзительной интимности и теплоты, что я проснулась от боли в сердце. Притянула к себе подушку мужа, остро нуждаясь хоть в какой-то с ним связи, уткнулась в нее лицом, пытаюсь прогнать из своей головы другого мужчину, которому там совсем не место. Что же это творится-то? Меня точно в трясиину грешную утягивает, но паника от этого лишь поверхностная, разумом

насаждаемая, а в глубине властвуют совсем другие эмоции. Чувствуя себя из-за этих снов и мыслей какой-то предательницей, стала вспоминать наши лучшие моменты с Сашей. Первую близость, день, когда он сделал мне предложение, нашу свадьбу. Хотя нет, день свадьбы был настоящим кошмаром, как и вся неделя перед ней. Наверное, именно тогда я впервые почувствовала, что начинаю делать не то, что хочу или что мне нравится, а то, что от меня ожидают другие. Начала оглядываться по сторонам и думать, все ли сделала правильно? Неужели уже тогда я сменила вектор своей жизни с настоящего стремления к тому, что действительно люблю, на постоянное желание соответствовать представлением других о том, какой я должна быть? Или все началось гораздо раньше? И что я люблю? Чего хочу? Здрате, приехали! Вроде для кризиса среднего возраста рановато и это больше мужская заморочка.

Я подумала о нашей близости с Сашей в последнее время. Почему мы потеряли ощущение общего, пронизывающего нас сквозь счастья, что испытывали от нее раньше? Тогда все получалось само собой. А сейчас мы словно два плохо настроенных инструмента. Точнее, настроенных не на друг друга. Вроде и каждый из нас хочет и старается доставить наслаждение другому, но мы словно не попадаем в единый ритм. Или так, как будто мы заменили чувства и эмоции прилежным старанием. Но как ни старайся, все выходит невпопад и не вовремя. Больше нет этой волны, что подхватывала

и кружила, заставляя задыхаться, двигаться в благословенном ритме, сливаться в одно целое.

Может, это оттого, что мы так мало времени стали проводить вместе? Когда мы видимся? Полчаса перед работой? Час-полтора вечером после работы, и это в том случае, если Сашка не приходит тогда, когда я уже сплю. По субботам он тоже вечно занят. А теперь еще и эти командировки. Да, у нас остается еще воскресенье. Сашка отсыпается полдня, потом начинаются звонки, и остальную часть дня мы общаемся практически как глухонемые – знаками. Он, с вечным телефоном у уха, с какими-то бумагами в руках, показывает, что бы ему хотелось, а я киваю, как китайский болванчик, и стараюсь угодить. Да, есть еще вечер воскресенья, когда мы молча валяемся перед телеком. Сашка гладит мою спину и волосы. Мы занимаемся любовью перед сном. Без особой страсти, а, скорее, потому что заняться этим не спеша не будет возможности целую неделю, но с каждым разом выходит все более скомканно. Опять вязкая рутина, что незаметно пеленает тебя по рукам и ногам, лишая чувств, приглушая краски и звуки. И вроде пока ты находишься внутри этого липкого кокона, то кажется, все так и должно быть. Но вот единожды взглянув извне, вдруг понимаешь, что у тебя нет воздуха для следующего вдоха.

Неужели это и есть то самое «и жили они долго и счастливо»? Это монотонное существование, без взрывов и потрясений, без надрыва и риска, но и без особых эмоций. Тогда

понятно, почему «умерли в один день». От тоски, видимо. Или от скуки.

Сон сморил незаметно. И вот опять я чувствую сильное тело, прижавшееся ко мне сзади. Горячее, живое тело, вжимающее меня в стену, распластывающее меня своим напором и обжигающей силой неприкрытого вожделения. И вот оно – это опьяняющее безумие, когда задыхаешься, но при этом дышишь так легко и глубоко, как, наверное, никогда в жизни. Обе мои руки прижаты у меня над головой в крепких тисках длинных мужских пальцев. И в этот раз я совершенно точно знаю, что это не Саша. Знаю и не отталкиваю, даже не пытаюсь. Вторая ладонь Ромы жадно и бесцеремонно блуждает по моему телу, заставляя оживать всю мою кожу в желании продлить эти дерзкие ласки. Рука замирает на моем обнаженном животе так близко, и все же не касаясь.

– Я чувствую, как ты пахнешь! Ты уже вся влажная для меня! – хриплый шепот, и зубы прикусывают мочку моего уха, обращая всю нижнюю половину тела в жидкость.

Я вскрикиваю и выгибаюсь, вжимая свои ягодицы в жесткую, раскаленную, восставшую плоть. Рома стонет в ответ, и его бедра дергаются мне навстречу, плотнее прижимая меня к стене и давая кожей ощутить каждый твердый, как камень, сантиметр его уже полностью готового члена.

Он целует мои плечи и шею, и эти поцелуи, сначала нежные и влажные, становятся все жестче, требовательней. Почти укусы, оставляющие горящие следы на коже, кричащие

о том, что он на пределе, что его потребность во мне уже просто невыносима.

Я извиваюсь, пытаюсь вырвать руки из цепкого захвата его пальцев. Но не для того, чтобы оттолкнуть. Я хочу сама прикасаться к нему. Хочу гладить и царапать его кожу, хочу почувствовать движение его мускулов под гладкой кожей. Хочу смотреть, как его глаза стекленеют от наслаждения, а лицо искажается в первобытной муке наслаждения.

– Отпусти, – умоляю, – пожалуйста!

– Нет! – выдыхает он и вдруг резко проскальзывает пальцами в мое опухшее, исходящее влагой лоно, и я давлюсь судорожным вздохом.

Всего несколько движений его сильных и уверенных пальцев, и я бьюсь, как пойманная птица, заходясь громким стоном. Все мои ощущения сейчас сконцентрированы на этих сильных и нежных движениях. Я дергаюсь, подаваясь им навстречу, желая найти свое освобождение от скрутившей меня узлом острой необходимости. Хнычу, умоляю, трусь и извиваюсь.

Вдруг нежные и дразнящие движения пальцев становятся жесткими, почти беспощадными.

– Кончи для меня. Давай, я хочу это почувствовать, – в шепоте почти животное рычание, приказ, которому я не в силах не повиноваться, и, когда зубы опять начинают терзать мочку моего уха, срываюсь.

И я кричу и дергаюсь так, будто через меня пропустили

электрический ток. Это продолжается так невыносимо долго, лишая меня всех сил, пока не повисаю в сильных руках.

– Да, вот так. Именно так и должно быть, – напряженный шепот и жадное, прерывистое дыхание стоят в моих ушах, когда я опять открываю глаза в темноту...

Между моих бедер случился настоящий потоп, а во рту было сухо, как в Сахаре. Я чувствовала себя развратной сухой и подлой тварью от того, что приятное расслабление растеклось по моему телу от влажного еще пульсирующего центра до кончиков пальцев, и опять провалилась в сон.

Въевшийся под кожу звук будильника возвестил о том, что уже настал понедельник.

Чистила зубы, внимательно всматриваясь в лицо женщины в зеркале. Усмехнулась. Программа запущена, четкие до автоматизма отработанные движения. Ни одного лишнего. Так, словно я их для чего-то экономлю. Так, словно их количество ограничено каким-то лимитом. Словно, начни я просто танцевать перед этим зеркалом, рухнет потолок.

Посмотрела на свои обычные рабочие костюмы. Весьма элегантные и лаконичные. В них я выглядела очень собранной и деловой. Холеной сухой, в общем. И это всегда нравилось Саше.

Плюнула и достала белое платье. Оно простое, облегает фигуру, чуть выше колена, и мне всегда нравилась его мягкая трикотажная ткань. Я его не надевала уже сто лет. Посмотрела на себя в зеркале и распустила волосы. Офигеть,

как же давно я так не выглядела.

В маршрутке поймала взгляды мужчин-попутчиков. Интересно, они раньше не смотрели, или это я ничего не замечала? Уже когда шла от остановки к офису, зазвонил телефон. Наконец-то Сашка соизволил вспомнить обо мне! Достала телефон и увидела, что звонок от Ленки. Испытывая почему-то резкое сожаление, ответила.

– Лизка, что за на хрен вчера такое было? – без лишних предисловий начала подруга.

Ленка всегда такая. Мы дружим черт-те сколько лет. И сколько ее знаю, она свободная художница, которая с удовольствием кладет прибор на мнение окружающих и честно и без всяких обиняков говорит, что думает. Ее агент и по совместительству периодический любовник и гражданский муж, Игорь, просто с ней вешается. Ленка всегда пишет только то, что хочет сама, и никогда то, что хотят заказчики. Поэтому иногда у них случаются грандиозные скандалы, и они расходятся, сохраняя, правда, деловые отношения. Ленка, как натура увлекающаяся, находит себе кого-то другого, переживает очередной скоротечный роман, но затем все равно возвращается к Игорю. И тот, терпеливая и любящая душа, опять ей все прощает, и у них наступает несколько месяцев счастья и тишины. Но при всей взбалмошности Ленка – талантливый и успешный художник, который прекрасно продается.

– Что ты имеешь в виду под емким понятием «что за на

хрен»? – с улыбкой уточнила я. – И, кстати, тебе тоже доброе утро.

– Доброе. – Я прямо увидела, как она небрежно отмахнулась. – А теперь колись, откуда ты знаешь Романа Соринова?

– Ну, знаешь, мы как бы выросли в одном дворе, – начала объяснять я, пытаюсь придать своему голосу максимум монотонности. – Когда-то были дружны. Хотя в основном с его старшим братом. Помнишь, я тебе как-то по пьяни рассказывала, как первый раз целовалась?

– Да к черту его брата, – взвилась подруга, – если он только не настолько же хорош, как и Ромочка. Лизка, он же просто... Ну, это просто какой-то секс на палочке и толстый-толстый слой шоколада! Охренеть можно! Как вы пересеклись-то?

– Да просто случайно встретились, когда я подругу навещала в старом дворе, а там он, – я уже начала терять самообладание от этого допроса.

Вот только Ленка плевать хотела на тактичность, когда ей вожжа под хвост попала.

– Ну и? Не томи! – понукала она.

– Ну и теперь, как видишь, я вынуждена любоваться на это мужское совершенство гораздо чаще, чем способна выдержать моя слабая женская психика! – откровенно раздраженно ответила я.

– Ой, я тебя умоляю! Чего там выдерживать! Бери да пользуйся! Мужик запал на тебя реально, а ты носом крутишь!

М-дя, Лена это... Лена.

– Лен, очнись! – почти кричу. – Ничего, что я замужем?

Надо сказать, что у Лены с Сашей случилась взаимная антипатия с первого взгляда. Подруга всегда считала, что я сделала неправильный выбор, и мой Сашка – зануда и подавляет меня.

– Тоже мне замужем! – насмешливо фыркнула она. – Ты этого своего мужа сколько часов в неделю видишь? Может, начнешь к нему на прием у секретарши его записываться, тогда, по крайней мере, будешь уверена, что в отведенное для встречи время он будет сконцентрирован только на тебе. Он ведь такой ответственный, такой ответственный, – уже с нескрываемой издевкой поддела меня. – Лиз, сколько ты еще будешь мириться с этой ролью второй жены у своего мужа? Первая и любимая-то у него работа, как ни крути.

– Лена, прекрати! Что вы все взялись лечить меня! – разозлилась я не на шутку.

– Не обижайся, Лизка, я же за тебя болею, – тут же пошла на попятный подруга. – Но знаешь, мне показалось, что Рома всерьез тобой увлечен. Как только ты ушла, в нем как будто лампочку выключили. Ты же знаешь Катьку, она только что рукой в штаны ему не залезла, ну и так терлась, и эдак. А он – ноль! Вообще! У нас после твоего техничного исчезновения какой-то тематический вечер имени тебя начался. Ты – это единственная тема, на которую он говорил. Лиз, будешь дурой, если его упустишь!

Мне вдруг опять стало не хватать воздуха, и захотелось заорать изо всех сил, чтобы быть наконец услышанной.

– Лена, да что ж такое-то! – закричала я, не обращая внимания на любопытные взгляды прохожих. – Ты меня не слышишь, что ли? Мне это не нужно все! У меня в жизни уже все есть! Я не собираюсь ничего менять. Опомнись и угомонись! Ты ведь видела этого Ромочку! Скажи, способен такой мужик на серьезные отношения? Ты что, предлагаешь мне пополнить список побед, став еще одной зарубкой на спинке его кровати?

– Я предлагаю тебе просто вспомнить, что ты женщина, ясно? – неожиданно сдержанно и четко ответила Ленка. – И вот только не ври мне, что ты его не хочешь! Вот и сделай в кои-то веки то, что хочешь, а не то, что должна! И какое тебе дело до тех, кто был у него до тебя и будет после? Просто получи удовольствие!

Ну, вот и какой смысл с ней спорить – все равно же не прошибешь!

– Нет, Лен, я так не могу, – отрезала я. – Даже если бы я на такое и решилась, мне нужны отношения, постоянство...

– Дура! – взрывается Ленка. – Тебе нужно, чтобы такой горячий мужик, как этот Ромочка, как следует разок-другой оттрахал тебя до полного мозгового оупения и физического изнеможения!

– Лена!!!

– Да что Лена-то? Да куда, на хрен, делась моя подруга,

которая за любой кипиш, кроме голодовки!?! Ты же в рыбу какую-то превращаешься! Говорю тебе – этот Рома именно то, что доктор прописал!

– Не прекратишь, я с тобой месяц разговаривать не стану! – пригрозила я, и в этот момент была совершенно серьезна.

– Если переспишь с Ромой, можешь и полгода не разговаривать, разрешаю! – хмыкнула она легкомысленно и тут же поменяла тему: – И кстати, как ты думаешь, можно его уболтать обнаженным мне позировать?

– Ты это всерьез? – чуть не поперхнулась я смехом.

– Более чем. Ты же видела, какое у него тело!

Вид обнаженного тела Ромы, развалившегося в расслабленной позе, вспыхнул в моем мозгу, как тысячеватная лампочка, ослепив на долю секунды. Да твою же мать, с этой Леной!

– Не знаю, сама у него спрашивай! – огрызнулась, изгоняя навязчивый образ.

– А мне почему-то кажется, что если ты попросишь его раздеться, он с радостью согласится! – ехидно протянула Ленка. – Да я просто в этом уверена!

– Так, хорош! – решила я прекратить это издевательство. – Все, я пришла на работу. Давай уже, демон-искуситель.

– Трахни этот шоколадный батончик. Трахни-трахни-трахни-и-и! Если откажешься, я тебе этого никогда не

прощу! – проорала на прощание подруга.

Боже, они все на меня ополчились, что ли?! Будто мне и собственных снов недостаточно! Я опять набрала мужа. Ответа не было. Но через минуту пришло СМС: «Очень занят. Перезвоню позже». Нет, ну надо же! Он что, сильно отвлекся бы, если бы то же самое сказал мне лично, подняв трубку? Внутри закипела обида, чуть почти по-детски не брызнув слезами. Лиза, да что же ты как развалюха психическая какая-то!

– О, привет, Лиза! – окинул меня оценивающим взглядом Алексей, с которым мы вместе уже второй год работаем. – У тебя сегодня что, день рождения?

– С чего ты взял? – удивилась я.

– Ну, выглядишь так... непривычно и потрясающе, в общем, – он неожиданно смутился. – Я всегда видел, что ты красавица, но сегодня ты... как-то мягче, что ли. Тебе очень идет.

– Спасибо, Леша.

Я выпила с ним кофе и погрузилась в работу. Около одиннадцати меня позвал наш охранник Женя.

– Лизавета Михайловна, вам тут цветы доставили! – громко сообщил он.

Само собой, что тут же все взгляды оказались прикованы к моей скромной персоне. На входе стоял худенький мальчишка-курьер в фирменной кепке дорогого цветочного магазина.

– Елизавета Филиппова – это вы? – спросил он, не отрывая глаз от планшета и тщательно пережевывая жвачку.

Я кивнула. Он протянул мне большой букет белых роз и попросил расписаться. В цветах была карточка. Ровным почерком там было написано:

«Прости за то, что испортил тебе вчерашний день. Я все осознал и готов прийти с повинной! Прошу, дай возможность реабилитироваться! Обещаю, больше не буду изображать носорога, прущего напралом. Твой Ромочка».

Мой Ромочка! Нет, ну надо же! На меня почему-то нахлынуло смешанное чувство нежности и смятения, вместо положенного вроде раздражения от его упорства.

– Ну, вот, и как это понимать? – задала я риторический вопрос, подняв глаза на Женю, когда курьер исчез в толпе прохожих.

– Наверное, так, что вы кому-то очень сильно нравитесь, – пожал плечами, улыбнулся он, прикуривая.

– Лиза, у тебя появился тайный поклонник? – с явно прощечивающей изрядной долей зависти спросила Наденька, наша вечная суперстар местного масштаба.

– Почему же тайный? Очень даже явный. Нарисовался – не сотрешь, – огрызнулась я, направляясь с огромным букетом на свое рабочее место.

В течение этого дня только совсем ленивый и неходячий не подошел к моему столу, не полюбовался на букет и не поизголялся в остроумной попытке выведать у меня, от кого

же цветы. Нет, ну совсем народ одичал. Из-за одного букета движняки, как будто мне «Феррари» под окна подогнали и ключики с бантиком принесли.

И, конечно, я уже почти не удивилась, когда, выйдя после работы, увидела перед входом машину Ромы и его самого, в небрежной позе прислонившегося к капоту. Надо ли говорить, что почти у всех моих сослуживцев появились какие-то срочно-неотложные дела на широком крыльце офиса в ожидании того, как будет развиваться мелодрама. Господи, кто-то еще по поводу любви к сплетням в деревне шутит, а тут все прямо такие городские, но хоть одним глазком зыркнуть в чужую жизнь – это же святое!

Со своим букетом наперевес спокойно подошла к Роме и остановилась напротив.

– Тебе понравились цветы? – с какой-то почти робкой улыбкой спросил он.

Несмотря на вальяжную позу, он сегодня выглядел как-то по-другому. Задумчивый, без нахальной ухмылки вечно-го покорителя женских сердец, Рома был... просто собой.

– Да, понравились. Спасибо, – кивнула я и нарочно посмотрела в сторону, потому что вот такой Рома был мне чересчур симпатичен.

– Я рад. А то я, знаешь ли, волновался. Я, как ты поняла, не силен во всяких там романтических штучках, – усмехнулся он, но не в своей убийственной манере, а будто чуть неуверенно.

– Не силен? А мне показалось, что ты очень уверенный в себе парень и не страдаешь отсутствием женского внимания, – чуть поддела я.

– Это так, – честно кивнул Рома. – Только мне как-то не приходилось прилагать столько усилий, чтобы привлечь к себе внимание женщины.

– Что, неужто никогда? – удивилась я, но не искренне. – Все так и падали сами к тебе в объятия?

– Ну, как-то так. Единственный раз, когда хотел это сделать, у меня не было и шанса попробовать, а потом... Короче, можно сказать, что я в этом смысле девственник. Эта сторона отношений мне совсем не знакома, – Рома смотрел прямо и говорил совершенно серьезно, без самодовольства.

И мне вдруг подумалось, что, и правда, смех смехом, но, наверное, не так уж и легко привлекательному мужчине научиться строить нормальные отношения, если женщины сами постоянно навязывают себя, сводя процесс собственного соблазнения к нулю. Вот красивые женщины постоянно жалуются, что за роскошным телом и привлекательным лицом в них часто людей не замечают. А кто сказал, что у красивых мужчин не так? Конечно, бесконечная череда легких побед, несомненно, льстит их самолюбию, но ведь все когда-то надоедает. Может, это и не так уж по кайфу мужчине, когда его воспринимают как нарядную упаковку, прилагаемую к исправно работающему члену. Принято считать, что это мужики – бездушные кобели и потребители, но давайте будем

честными, разве большинство женщин так уж интересуются тонкой душевной организацией мужчины, если у него смазливая внешность, он хорош в постели, и денег хватает?

– Ты чего приехал-то? – нахмурившись, спросила я. – Теперь у меня в офисе только и разговоров будет о твоей синеглазой сексуальной персоне.

– М-м-м. Приятно, что ты все же считаешь меня сексуальным. А то я уж отчаялся, – потрянул головой Рома, почти возвращаясь к обычному своему образу нахального засранца. – Я хотел тебя, вообще-то, позвать в кино и поужинать.

– В кино? – поразила я.

– Ну да, в кино! Помнишь, как мы в детстве в ДК на мультики бегали? – безмятежно и как-то по-мальчишески заулыбался мне Рома.

– Ром, я в кино уже... уже даже не знаю, сколько лет не была! – силилась припомнить, но не выходило.

– Я тоже затрудняюсь припомнить свое последнее посещение. Может, освежим впечатления вместе? Не отказывайся! – перебил он, едва я открыла рот. – Ну что тебе дома-то делать? А так посмотрим что-нибудь смешное или приторно-сопливое, поржем до слез или поплачем до смеха, потом перекусим, и я честно отвезу тебя домой. Просто как старые друзья. Что тут такого-то? Обещаю, что больше не буду вести себя, как озабоченный придурок. Честное пионерское! С этого дня я просто твой старый друг Ромочка. Ну что, идем, пока в нас тут еще дыры взглядами не прожгли?

Схватив за руку, он повел меня к пассажирской двери, явно не собираясь ждать, пока я найду повод для отказа. Я оглянулась на сборище на крыльце. Вот уж кому надо попкорн и колу выдать на время просмотра!

– Ладно! Но только хоть одна сальная шуточка или вольность, и я уйду, – пригрозила я, пристегиваясь.

– Идет! – засиял, как новая копейка, Рома.

Глава 5

Мы попали на четвертую часть «Сумерек». Оказалось, что первые три Рома тоже не смотрел, так как считал это сопливой подростковой чушью, недостойной его брутального взора. Моя тонкая ранимая душа возмутилась таким определением и, поскольку у нас еще было почти полчаса до сеанса, мы купили мороженное, и я взялась за культурное просвещение этого неандертальца в мире романтического фэнтези. Я пересказывала краткое содержание прошлых частей, а Рома отпускал по ходу повествования едкие комменты. В итоге он привлек внимание юных фанаток и чуть не был бит за свои язвительные высказывания толпой влюбленных в Эдварда малолеток. Я смеялась от души, давясь мороженым, и игнорировала его зывающие о помощи взгляды.

– Ты меня бросила на растерзание этим бешеным вампироманкам! – с возмущением сказал он, вырвавшись наконец из цепких лапок обиженных за кумира девчонок.

– Ага! Зато ты теперь точно знаешь, что есть категория женского населения, на которую твое безграничное обаяние не действует! – поддела его я. – И это, на мой взгляд, прекрасно!

– У-у-у! Жестокая ты женщина! Но теперь я понимаю, почему ты не поддавалась на мои грубые ухаживания! У меня есть конкурент в лице сублильного бледного вампира! Ну

что же, хорошо, что мы пришли, надо знать врага в лицо! – И Рома мазнул меня по щеке мороженым.

– Ах ты..! – задохнувшись от возмущения, я сделала стремительный бросок, пытаясь отомстить тем же, но Рома ловко увернулся.

– Не прыгай на своих каблуках, Ромашка, а то мы вместо фильма в травмпункт поедем, – хохотал он, уклоняясь от моих безуспешных попыток изгваздать его мороженым.

– Ты! А ну-ка, замри на месте, дылда вертлявая, белобрысина наглая! – гонялась за ним я, не обращая внимания на любопытные и кое-где осуждающие взгляды окружающих.

– Ой, какой позор, Лизонька! И это та самая Ромашка, которую не мог догнать ни один мальчишка во дворе, когда мы в казаков-разбойников играли! Та самая, в которую никто мячом не мог попасть, когда мы в вышибалу бились! – нагло дразнил меня он, доводя до телепучки.

Я остановилась, сделав обиженно-несчастное лицо, отвернулась и решительно пошла в сторону входа.

– Эй, Лиза, ты что, обиделась? – голос бегущего за мной Ромы был по-настоящему встревоженным. – Лиза, я не хотел! Прости меня, дурака!

И он обогнал меня, встав прямо передо мной и пытаясь заглянуть в лицо, наклонился, превращая себя в идеальную мишень.

– Ты такой придурок, Рома! – победно заявила я, вдавливая свое мороженое прямо ему в лоб. – И всегда на это по-

купаешься!

– Ах ты, маленькая гадость! – восхищенно произнес он, наблюдая сведенными в кучу глазами, как мороженое медленно стекает по его носу. – Это нечестно! Все твои женские штучки!

Я, видя, что капля сладкой жидкости уже готова сорваться с его носа, чисто машинально приподнялась на цыпочки и слизнула ее. И тут же поняла свою ошибку. Глаза Ромы потемнели, а ноздри нервно дернулись, выдавая мгновенно изменившееся дыхание. Губы его приоткрылись, словно в ожидании, и он нервно сглотнул.

– Черт, извини! – прошептала я, отступая и матеря себя на чем свет стоит. – Это случайно вышло!

– Да ладно, не извиняйся, – усмехнулся он, кривя свой красивый рот. – Это было действительно приятно. Просто не хочу нарушить свое обещание, а когда ты так близко, весь мой самоконтроль летит к черту.

– Давай пойдем, умоемся, а то сейчас в зал пускать уже будут, а мы все липкие, – пробормотала я, отводя взгляд и чувствуя сильное стеснение в груди и новый прилив тяжести в низу живота. Но винить в этот раз некого, кроме себя самой.

Рома только молча кивнул.

Билеты он купил на диваны в конце зала. Едва выключили свет и пошла реклама, Рома наклонился, столкнул с моих ступней туфли и, обхватив за пятки, уложил их себе на бед-

ра, разворачивая меня. Я уже хотела возмутиться, но он стал нежно разминать мои уставшие за день конечности, и я расслабилась. Рома действовал так нежно и при этом уверенно, что я, не сдержавшись, застонала. И меня тут же ущипнули за икру.

– Эй, ты что? – подпрыгнула я.

– Немедленно прекрати издавать такие звуки, или я за себя не ручаюсь! – грозно нахмурился он на меня.

Мы так и просидели весь фильм. Рома все время поглаживал мои ноги, и мне было тепло и уютно. И в этот момент мне совсем не хотелось анализировать собственное поведение и мучиться моральными дилеммами. Просто в этот данный отрезок времени, в этом конкретном месте мне было хорошо и комфортно именно с этим человеком. Неправильно? Аморально? Да пошло оно все к черту!

Когда сеанс закончился, Рома сам надел на меня туфли и повел к выходу.

– Куда пойдешь поесть, или ты как все после шести фигуру бережешь? – подмигнул мне Рома.

– Ну, знаешь, я ее и до шести трепетно берегу, и вроде ничего так получается. Но съесть что-нибудь вкусное и не обязательно полезное я согласна. – Легкомысленное настроение никуда само не девалось, а гнать его насильно я не хотела.

– Твою фигуру не беречь надо, а как можно чаще выставлять на общее обозрение для экзальтированного обожения, – заявил Рома, пробежав-таки по мне голодным взгля-

дом. – И не сверкай на меня своими эльфийскими глазами – я уже умолкаю!

– И почему это эльфийскими? – не поняла я.

– Ну, они у тебя всегда были такие... необыкновенные. Я для себя еще в детстве назвал твои глаза эльфийскими. Огромные, чуть раскосые и такие зеленые, что дух захватывает. А когда ты злишься, они темнеют и становятся похожи на штормовое море, – голос Ромы стал глухим, как если бы слова давались ему с трудом. – Я таких глаз, как у тебя, больше ни у кого в жизни не видел.

– А пересмотрел ты много, – решила я срочно разбить ощущение особенности этого момента, потому что у меня уже опять начало перехватывать горло.

Ощущая, что почти насилую себя, я отвела взгляд от его лица. Все-таки как же было бы просто утонуть в этом мужчине. Было в нем что-то... пагубное для меня. То, чему мог противостоять лишь жесткий контроль со стороны рассудка, но стоило лишь расслабиться и позволить эмоциям взять верх, и я оказывалась беззащитной.

Рома мотнул головой и, глянув на меня, рассмеялся.

– Ты ведь нарочно это делаешь! – хитро посмотрел он. – Боишься подпустить меня чуть ближе. Почему? Боишься меня или все же себя?

А я вот прямо взяла и во всем честно созналась! Обойдешься, Ромочка!

– А давай я об этом завтра подумаю! – чрезмерно жизне-

радостно отмахнулась я, прибавляя шаг. – А сейчас покорми меня, если не хочешь моего голодного обморока.

Мы зашли в итальянский рестораник, и к нам живо подскочил официант.

Я предоставила заказывать Роме. Он перечислил блюда и спросил в конце:

– Скажите, а есть у вас молочное мороженое? Ну, знаете, не пломбир, как сейчас везде, а как раньше – обычное молочное? Ну, или что-то похожее.

Официант пообещал что-нибудь подобрать. Я удивленно смотрела на Рому.

– Что? – спросил он, перехватывая мой взгляд. – Удивлена, что я помню?

– Если честно, то да, – я смолчала о том, что Сашка за пять лет совместной жизни не только не запомнил, какое я мороженое люблю, но и понятия не имеет, сколько сахара я в кофе кладу. Мелочь, казалось бы, но иногда чрезвычайно раздражающая, учитывая, что я за это время изучила все его пристрастия и даже мелкие капризы и странности до мелочей.

– Я многое о тебе помню, – грустно усмехнулся Рома. – Например, что ты терпеть не можешь отрываться от чтения, пока не проглотить все до последней страницы. А если тебя отвлекали, то ходила задумчивая и ворчливая.

– Ну, это если книга интересная, – пожала плечами я, соглашаясь.

– А еще ты безумно любишь соленую рыбу и можешь есть ее в жутких количествах. И ты предпочитаешь, когда она слегка недосохшая.

Я снова улыбнулась, признавая его правоту. Рыбу я прямо-таки обожаю с детства. В любом возможном виде, но вяленая и едва подсохшая – это непреодолимый соблазн. Сразу же вспомнилось, как так и норовила спереть из дома связки мелкой сушеной рыбешки, что в большом количестве отец развешивал на балконе, чтобы разделить ее с друзьями. Для меня в детстве соленая рыба была как для других семечки. А сейчас я уже сто лет ее не ела. То, что продается в магазине, это совсем не то, отец сам стал редко ездить на рыбалку и солить. Да и Сашка вяленую рыбу на дух не переносил, хранить в холодильнике или даже на балконе запрещал, считая плебейской, мерзко пахнувшей едой.

– А еще ты совершенно не переносишь, когда кому-то причиняют боль, и всегда готова ринуться на защиту слабых. И особенно бесишься, если кто-то жесток с животными, – задумчиво продолжил Рома. – Я помню, как ты атаковала того жирдяя, что пнул щенка в школе. Он был в два раза больше тебя, но ты усадила его на задницу.

– Я помню. Только потом подоспели его дружки, и мне бы реально накостыляли, если бы Колька не вступился. Кольку все боялись, – вспомнила я.

– Ну да. А он всегда боялся тебе не угодить, – хмыкнул Рома и кинул в меня невесомым шариком из скатанной сал-

фетки. – У нас это семейное, наверное.

– Ром, как так вышло... с Колькой? – я закусила губу, не зная, как спросить тактичнее о подобном.

– Ничего не вышло, Лиза, – жестко сказал Рома, нахмурившись и потемнев лицом. – Это был его абсолютно осмысленный выбор – лишить жизни человека. Понимаешь? Не обстоятельства, не случайность – осознанный выбор. В нашей жизни настал момент, который многое поменял. У него был шанс – получив старт, пахать, как я, или просто просрать все, развлекаясь. Он очень изменился, власть и деньги ударили в голову, и заигрался в бога. Давай не будем сейчас об этом.

Я кивнула. Принесли еду, и какое-то время мы ели молча. Но Рома то и дело бросал на меня косые взгляды.

– Хочешь о чем-то спросить?

– Да, – кивнул Рома. – Это личное. Можно?

– Валяй.

– Скажи, там, у твоих родителей в гостях... ну, короче, ты действительно беременна? – на выдохе выпалил он и замер, ожидая, видимо, вспышки с моей стороны.

– А это имеет для тебя значение? Если так, то дружба врозь? – усмехнулась я.

– Не говори ерунды. Просто ребенок – это важно. На мое отношение к тебе это никак бы не повлияло, хотя и реально бы понизило мои шансы. Так это правда?

– Не люблю врать. Нет. Это неправда. – И на лице Ромы

мелькнуло явное облегчение.

– А почему тогда...

– Что, промолчала? Может, мне твое лицо озадаченное понравилось, – решила честно признаться я. – Сразу было видно, как утихает твой пыл по отношению ко мне.

– Это не так, – почти агрессивно указал в мою сторону вилок мужчина. – Я просто реально испугался. Решил в какой-то момент, что у меня больше нет шансов. Но потом подумал и понял, что для меня это ничего не меняет.

– В каком смысле? – Да ладно, все ты, Лиза, понимаешь.

– Ты нужна мне, Лиза, – пожал плечами Рома. – Этот факт уже не изменить ничем, коль скоро тринадцать лет не помогли. Хватило одного взгляда на тебя. Поэтому, какие бы ни были обстоятельства, для меня есть только один вариант – преодолеть все, что нас разделяет.

И это было признание. Сказанное совершенно обыденным тоном, как нечто само собой разумеющееся, но от этого абсолютно не теряющее всей огромной значимости, в него вложенной.

– Ром, ты хоть понимаешь, о чем говоришь? Даже если и отбросить тот факт, что я замужем и счастлива. – У меня почему-то что-то дернулось внутри. – Мы были близкими друзьями когда-то, так давно, что и представить сложно. Мы были детьми. Сейчас мы взрослые незнакомые люди. Мы почти ничего не знаем друг о друге. Все, что нас связывает, если можно так сказать – вспышка плотского желания... – я

осеклась, поняв, что сболтнула лишнего.

Но Рома уже впился в мое лицо цепким взглядом.

– Но ведь оно есть, это желание, и отрицать ты его не можешь! – наклонился он через стол.

Что же, на его признание я могу и должна ответить своим и расставить все по местам.

– Но и идти у него на поводу я не собираюсь! Я ведь человек, а не животное. Не буду врать, ты привлекаешь меня в физическом плане. На самом деле привлекаешь. Но оглянись – половина женщин в этом зале испытывают схожие чувства. И тебе прекрасно известно, как ты действуешь на них, да и на меня. Но я, как ты правильно заметил еще в первый раз, не свободна. – Рома резко вдохнул, намереваясь возразить, но я поспешила остановить его жестом. – Но даже если бы я была не замужем, я не та женщина, что тебе нужна. Тебе нужна легкая интрижка ради секса, необременительная и скоротечная. А я так не смогу. Мне нужны чувства, отношения, забота и преданность... Я слишком требовательна для тебя. Слишком собственница. Со мной трудно. Я не то, что тебе нужно, поверь.

По мере произнесения моей речи лицо Ромы становилось все мрачнее, а взгляд жестче. И почему-то у меня самой было ощущение, будто я безжалостно кромсаю что-то важное и живое, некие тонкие нити, что связывали меня с прежней свободно дышащей Лизой-Ромашкой.

– Ты действительно ничего не знаешь обо мне и о моих

чувствах к тебе, Лизонька, – огрубевшим голосом отрывисто произнес Рома. – Так что я вижу для себя единственную перспективу – доказать, что я совсем не такой, каким ты меня представляешь. Да, я не ангелок, и у меня никогда не было постоянных отношений. Но ради тебя я готов меняться. Только ради тебя! Ради тебя я готов изменить все в своей жизни.

– Но я не готова! – сказала слишком громко, привлекая внимание окружающих.

В этот момент подал голос мой телефон. Звонил Саша.

– Привет, родной! Как твои дела? – Я смотрела, как медленно разгорается огонек ярости и упрека в синих глазах напротив.

– Я в порядке. Устал жутко, – слышно было неважно, и голос Сашки прерывался, будто он был за миллион километров. – Прости, что не перезвонил вчера вечером – пришел со встречи и вырубился моментально, не увидел пропущенный от тебя. А сегодня с самого утра как белка в колесе. Зато можешь меня поздравить – я, кажется, выгрыз этот контракт у немцев!

– Я очень рада за тебя, Саш! Ты ведь давно этого хотел! – выдавленная насильно улыбка вышла кислой.

– Да, девочка моя! Знаешь, как только закончим, возьму отпуск, и поедem куда-нибудь отдохнем. Может, опять на Ба-ли. Вспомним наши лучшие деньки... – И почему при этих словах у меня такое чувство, что если эта поездка и случит-

ся, то не залатает дыр?

Просто, наверное, ткань уже истлела. Но я отмахиваюсь от этого неприятного ощущения. А вдруг все еще и не так плохо?

– На Бали? Думаю, это было бы здорово. А ты правда сможешь вырваться? – Ну почему Рома не отведет глаза? Почему не отвернусь сама?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.